

Скотный двор. Джордж Оруэлл

Глава I

Мистер Джонс, хозяин Господского Двора, запер на ночь курятники, но забыл закрыть лазы, потому что был сильно пьян. Круг света от фонаря плясал из стороны в сторону, когда он, пошатываясь, пересекал двор. Скинув у черного хода башмаки, он нацедил из бочонка на кухне последнюю кружку пива и отправился в спальню, где уже храпела миссис Джонс.

Как только свет в спальне погас, в дворовых постройках началась суматоха и хлопанье крыльев. Еще днем всех оповестили, что Старому Майору, призовому хряку белой английской породы, минувшей ночью приснился странный сон, о котором он и желает рассказать своим собратям. Было решено, что, как только мистер Джонс окончательно уgomонится, вся живность соберется в большом амбаре. Старый Майор (так его звали обычно, хотя в свое время он экспонировался под именем Красавец Уиллингдона) пользовался среди обитателей фермы таким уважением, что каждый был готов оторвать от сна часок, чтобы послушать его.

Майор возлежал в углу большого амбара, на возвышении, на соломенной подстилке, в свете фонаря, подвешенного к балке. Ему было двенадцать лет, он сильно прибавил в весе в последнее время, но по-прежнему производил величественное впечатление, казался мудрым и добрым, несмотря на то что клыки ему никогда не подпиливали. Вскоре начали собираться остальные животные, обитавшие на ферме, и устраивались, как кому казалось удобным. Первыми прибежали три собаки, Колокольчик, Джесси и Цапка. За ними пожаловали свиньи и легли на соломе у самого возвышения. Куры уселись на подоконниках, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы улеглись за свиньями и сразу принялись жевать жвачку. Две ломовые лошади, Боксер и Травка, пришли вместе. Они передвигались медленно, осторожно опуская на землю большие, поросшие шерстью копыта, чтобы не раздавить какого-нибудь маленького собрата, не видного в рассыпанной по полу соломе. Травка, дородная кобыла средних лет, так и не вернула себе былой формы после рождения четвертого жеребенка. В ее облике навсегда осталось нечто материнское. Боксер же был огромным битюгом, почти шести футов росту, и он был вдвое сильнее любой обычной лошади. Белая полоска на носу придавала ему глуповатое выражение, он и в самом деле был не слишком умен, но его уважали за ровный характер и бесконечное трудолюбие. Вслед за лошадьми явились Мюриэль, белая коза, и осёл Бенджамин. Бенджамин был старейшим четвероногим скотного двора и обладал самым скверным характером. Он редко заговаривал с кем-нибудь, но уж если это случалось, обязательно отпускал какое-нибудь циничное замечание. Он мог сказать, например, что, хотя господь бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, он предпочел бы не иметь хвоста, но чтобы не было и мух. Из всех обитателей усадьбы только он никогда не смеялся. А когда его спрашивали – почему, он отвечал обычно, что не видит в этой жизни ничего смешного. Однако, хоть он никогда не признавался в этом, Бенджамин был сильно привязан к Боксеру. По воскресеньям оба они паслись, как правило, на маленьком выгоне за фруктовым садом, бок о бок пощипывая траву и не говоря при этом ни слова.

Только-только лошади улеглись, как в амбар строем вошел целый выводок утят, потерявших мамашу. Тихо покрякивая, утята принялись искать местечко побезопаснее. Оно нашлось рядом с Травкой, которая заботливо отгородила им место своей большой передней ногой, где, удобно устроившись, утята немедленно заснули. Наконец, элегантно перебирая ногами, похрустывая кусочком сахара, в амбар вошла Молли, глупая, но хорошенькая белая кобыла, возившая двуколку мистера Джонса. Она прошла вперед и тут же стала выставлять напоказ свою белую гриву, надеясь привлечь общее внимание вплетенными в нее красными ленточками. И уж самой последней пришла кошка. Как обычно, она поискала, где потеплее, и втиснулась

наконец между Боксером и Травкой. Там она умиротворенно промурлыкала всю речь Старого Майора, совершенно не слушая, о чем он говорит.

Теперь собрались все, если не считать ручного ворона Моисея, который как спал на карнизе за задней дверью, так и продолжал спать. Майор, увидев, что все устроились удобно и готовы слушать его внимательно, прочистил горло и начал:

– Товарищи! Вы уже слышали, что прошлой ночью мне приснился странный сон. О нем я расскажу позже. А сначала я должен поведать вам о другом. Я думаю, товарищи, что жить мне на этом свете осталось недолго, но, прежде чем я умру, я считаю своим долгом поделиться с вами жизненным опытом. Я прожил долгую жизнь, у меня было время размышлять в одиночестве в моем стойле, и, полагаю, я могу утверждать, что познал суть земной жизни не хуже любого другого живущего ныне скота. Об этом и хотелось бы поговорить с вами.

Итак, товарищи, что же такое по сути наша жизнь? Посмотрим правде в глаза: наш век жалок, труден и короток. Мы рождаемся на свет, нам дают еды ровно столько, чтобы мы не околели, тех из нас, кто может трудиться, заставляют работать до изнеможения, а когда мы перестаем приносить пользу, нас с ужасающей жестокостью убивают. Через год после рождения ни одно животное в Англии не знает ни счастья, ни досуга. Наша жизнь – страдание и рабство – вот неприкрытая правда.

Но – вот вопрос! – такова ли природа вещей? Неужели наша земля столь бедна, что не способна обеспечить приличные условия тем, кто ее обрабатывает? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Земля Англии плодородна, климат благоприятный, эта земля может накормить досыта гораздо большее число живущих на ней сегодня скотов. Только наша ферма способна обеспечить жизнь дюжине лошадей, двадцати коровам, сотням овец, и все будут жить в таком уюте, с таким достоинством, что это трудно и представить сегодня. Так почему же мы влачим столь жалкое существование? Потому что едва ли не все плоды нашего труда присваивают себе люди. Вот, товарищи, где скрыт ответ на все наши вопросы. Ответ этот сводится к одному слову – Человек. Человек – вот наш единственный враг. Устраните Человека, и вы навсегда устраните главную причину голода и невыносимого труда.

Человек – единственное существо, которое, потребляя, ничего не производит. Он не дает молока, не несет яиц, он слишком слаб, чтобы тянуть плуг, и слишком неповоротлив, чтобы поймать кролика. И тем не менее он господин над всеми животными. Он заставляет их работать, но выдает им лишь минимум произведенного продукта, только чтоб они не умерли с голода, а все остальное присваивает себе. Нашим трудом обрабатывается земля, нашим навозом она удобряется, а принадлежит нам одна лишь голая шкура. Вот вы, коровы, которых я вижу перед собой, сколько тысяч галлонов молока дали вы за один только прошлый год? И что стало с тем молоком, которое должно было по праву пойти телятам, чтобы они росли здоровыми? Каждую каплю его вылакали наши враги. А вы, курицы, сколько яиц снесли вы за прошлый год и сколько цыплят вылупилось из тех яиц? Разве остальные яйца не отправились на базар, чтобы превратиться в деньги для Джонса и его людей? А ты, Травка, скажи: где четверо твоих жеребят, которые стали бы твоей поддержкой и радостью в старости? Всех продали в годовалом возрасте – ты никогда больше не увидишь их. И в награду за эти муки, за все твои труды на полях, что же ты получила? Скучный корм и стойло?

Но даже эту убогую жизнь нам не дают прожить до конца. Я говорю не о себе, мне повезло. Мне двенадцать лет, и я отец более четырех сотен поросят. Такова естественная жизнь свиньи. Но кому из животных удалось избежать безжалостного

ножа? Вы, юные поросята, сидящие напротив меня, не пройдет и года, как вы последний раз взвизгните на деревянной колоде. И всем предстоит испытать этот ужас: коровам, свиньям, курицам, овцам – всем. Не лучшая судьба ждет собак и лошадей. Тебя, Боксер, когда силы оставят твои мускулы, Джонс продаст на живодерню, где тебе перережут глотку и пустят на похлебку для гончих собак. А что касается собак, то стоит им состариться и потерять зубы, как Джонс привяжет им кирпич на шею и утопит в ближайшем пруду.

И разве кому-нибудь еще не ясно теперь, товарищи, что все зло в этом мире берет начало от тирании людей? А ведь стоит только избавиться от Человека – и плоды нашего труда будут нашими. Все изменится в одночасье, мы сможем стать богатыми и свободными. Что для этого надо сделать? Это предельно ясно: днем и ночью, душой и телом надо стремиться к свержению ига человеческой расы! И вот вам мой завет, товарищи, – восстание! Я не знаю, когда оно случится, может быть через неделю, может быть через сто лет, но я знаю – рано или поздно справедливость восторжествует, я в этом не сомневаюсь, как не сомневаюсь в том, что под моими копытами – солома. Сосредоточьтесь на этом, товарищи, в те немногие месяцы, что вам еще осталось жить на земле. И главное – передайте мои заветы тем, кто придет вам на смену, чтобы они, грядущие поколения, довели нашу борьбу до победного конца.

И помните, товарищи, ваша решимость должна быть неколебимой. Пусть не собьют вас с правильного пути чьи-либо лживые речи. Не слушайте тех, кто скажет вам, что у Человека и животных общие интересы, что процветание одного – это и процветание других. Все это ложь! Человек защищает только свои собственные интересы! А среди нас, животных, пусть будет полное единство, честное товарищество в нашей борьбе. Все люди – враги. Все животные – товарищи.

В этот самый момент в амбаре поднялся какой-то страшный шум. Пока Майор держал речь, четыре огромные крысы вылезли из своих нор и, усевшись на задние лапки, слушали его. Внезапно их заметили собаки, и лишь мгновенная реакция крыс, нырнувших в свои норы, спасла им жизнь. Майор поднял переднюю ногу, призывая к тишине.

– Товарищи, – сказал он, – нам надо разобраться в этом вопросе. Дикие существа, крысы или кролики, кто они – наши друзья или враги? Давайте проголосуем. Ставлю на голосование следующий вопрос: являются ли крысы нашими товарищами?

Голосование состоялось немедленно, и подавляющим большинством голосов было признано, что крысы – товарищи. Было лишь четыре голоса против – трех собак и кошки. Впрочем, впоследствии выяснилось, что кошка проголосовала и за и против. А Майор продолжал:

– Я сказал вам почти все, что хотел. Но повторю еще раз: никогда не забывайте о своей ненависти к Человеку и любым его делам. Каждый, кто ходит на двух ногах, – враг. Каждый, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья, – друг. И запомните: борясь против Человека, мы не должны перенимать его привычек. А когда вы победите его, ни в коем случае не перенимайте его пороков. Ни одна скотина не должна жить в доме, спать в постели, носить одежду, употреблять алкоголь, курить табак, прикасаться к деньгам или заниматься торговлей. Все привычки Человека – зло. Но самое главное – ни одно животное не имеет права угнетать себе подобных. Слабые и сильные, умные и не очень – все мы братья. Пусть скоты ни при каких обстоятельствах не убивают друг друга. Все животные равны!

А теперь, товарищи, я расскажу вам, что приснилось мне минувшей ночью. Описать это не так просто. Мне снилась наша земля, какой она станет, когда исчезнет Человек. И я вспомнил нечто казавшееся давно забытым. Много лет назад, когда я был еще маленьким поросенком, моя мать да и другие свиноматки любили напевать одну старую песню. Впрочем, они помнили только мотив и три первых слова. Я знал в детстве этот мотив, который позже запомнил. Но прошлой ночью он пришел ко мне во сне. Более того, я вспомнил слова песни, слова, которые – я не сомневаюсь в этом! – пели наши предки в далеком прошлом, но которые стерлись потом в памяти поколений. Так вот, я пропою вам сейчас эту песню, товарищи. Я стар, мой голос давно огрубел, но, когда я напою вам мелодию, вы сможете петь ее сами. Она называется «Скоты Англии».

Прочистив горло, Старый Майор запел. Голос его и в самом деле был хриловат, как он и предупреждал, но пел он довольно хорошо, а бодрящая мелодия оказалась чем-то средним между «Клементиной» и «Кукарачей». Слова были такие:

Скот английский, скот ирландский,
Всей земли домашний скот,
Внемли радостному кличу:
Золотой наш век грядет!
Будет рано или поздно
Свергнут Человек-злодей,
В Англии, на тучных нивах,
Заживем мы без людей!
Из ноздрей мы вынем кольца,
Снимем седла со скота,
Сгинут удила и шпоры,
И умолкнет свист кнута!
Изобилие настанет:
Будем есть овес, ячмень,
Клевер, свеклу, рожь и сено,
Как придет счастливый день!
Станут чище наши воды,
Зеленее пашен вид,
Будет дуть нежнее ветер
В день, что нас освободит!
Пусть умрем и не дождемся,
Но один лишь долг у нас,
Лошади, коровы, гуси,
Приближать свободы час!
Скот английский, скот ирландский,
Всей земли домашний скот,
Разноси благую новость:
Золотой наш век грядет.

Пение привело собравшихся в страшное возбуждение. И едва Старый Майор закончил, они сразу же запели песню сами. Даже самые неспособные запомнили мотив и несколько слов, а такие умники, как свиньи и собаки, вмиг выучили наизусть всю песню. После двух-трех попыток подстроиться друг к другу вся ферма в едином порыве грянула «Скотов Англии». Коровы мычали, выли собаки, овцы блеяли, лошади ржали, и подкрякивали утята. Всем так понравилась песня, что они раз пять спели ее и, наверное, пели бы ее всю ночь, если бы им не помешали.

Увы, рев разбудил мистера Джонса. Он скатился с постели в полной уверенности, что во двор забралась лиса, схватил ружье, что всегда стояло у него в углу

спальни, и выпалил в темноту заряд дробин. Дробинки врезались в стену амбара, и собрание поспешно закончилось. Все разбежались по своим местам. Куры уселись на насест, лошади и коровы растянулись на соломе, и уже через минуту вся ферма спала.

Глава II

Спустя три ночи Старый Майор мирно опочил во сне. Тело его предали земле на краю фруктового сада.

Это случилось в начале марта. Последующие три месяца ферма жила тайной, но активной деятельностью. Речь Майора подтолкнула самых умных и сообразительных к полному пересмотру устоявшихся взглядов на жизнь. Разумеется, никто из них не знал, когда вспыхнет восстание, предсказанное Майором, не было у них каких-либо оснований полагать, что оно произойдет при их жизни, но все они отлично понимали: их долг – готовиться к нему. Естественно, вся работа по просвещению и сплочению скотов легла на свиней, самых умных, по общему признанию, животных. Среди свиней выделялись два молодых хряка – Снежок и Наполеон, которых мистер Джонс выращивал на продажу. Наполеон – крупная свинья беркширской породы – был единственным на ферме беркширцем. Он выглядел довольно свирепо, по большей части молчал, но про таких говорят, что они своего добьются. Снежок был более живой хряк, нежели Наполеон, он был красноречивее и изобретательнее, но считалось, что у него недостаточно твердый характер. Всех остальных свиней мужского пола откармливали на мясо. Среди них обращал на себя внимание маленький жирный кабанчик по имени Крикун – существо с круглыми щечками, сверкающими глазками, проворными движениями и пронзительным голоском. Крикун был блестящим оратором, а когда ему случалось доказывать что-нибудь посложнее, имел обыкновение прыгать из стороны в сторону и быстро крутить хвостиком, что почему-то особенно убеждало. О Крикуне говорили: он вполне может доказать, что черное – это белое.

Вот эти трое, опираясь на заветы Старого Майора, и разработали стройную систему взглядов, которую назвали Анимализмом. Несколько раз в неделю, по ночам, после того как мистер Джонс засыпал, они собирались на тайные сходки в амбаре и разъясняли остальным основные принципы Анимализма. Поначалу они столкнулись с тупостью и равнодушием. Кое-кто из животных говорил, что они должны быть верны мистеру Джонсу, и называл его при этом Хозяином или же простодушно заявлял: «Мистер Джонс кормит нас. Если его не будет, мы умрем с голоду». Другие задавали вопросы: «Почему мы должны думать о том, что произойдет после нашей смерти?» или «Если Восстание все равно случится, какая разница – будем мы готовить его или нет?» Свиньям стоило немалых усилий, чтобы доказать им – подобные вопросы и рассуждения противоречат самому духу Анимализма. Но самую большую глупость проявила Молли, белая кобыла. Она первым делом спросила Снежка:

– А будет ли сахар после Восстания?

– Нет, – твердо ответил Снежок. – У нас нет возможности производить сахар на этой ферме. А главное – тебе не понадобится сахар. Ты получишь сколько угодно овса и сена.

– А позволят ли мне носить ленточки в гриве? – поинтересовалась Молли.

– Товарищ, – заявил Снежок, – эти ленты, которые так нравятся тебе, – символ рабства. Неужели ты не можешь сообразить, что свобода дороже ленточек?

С этим доводом Молли согласилась, хотя, кажется, он ее не особенно убедил.

Но еще более упорную борьбу свиньям пришлось вести по разоблачению лживых рассказней Моисея, ручного ворона. Любимчик мистера Джонса, Моисей был шпион и доносчик, но зато он умел так говорить, что заслушаешься. Он утверждал, что есть загадочная страна, которая называется Карамельная Гора, куда попадают все животные после смерти. Страна эта, заявлял Моисей, на небе, за облаками. Там семь воскресений в неделю, там круглый год цветет клевер, а куски сахара и льняной жмых растут прямо на изгородях. Животные ненавидели Моисея за то, что он рассказывал байки и не работал, но некоторые все-таки верили в Карамельную Гору, и свиньям долго пришлось убеждать их, что ничего такого на белом свете нет.

Самыми верными учениками оказались две ломовые лошади – Боксер и Травка. Им трудно было додуматься до чего бы то ни было самим, но, признав однажды свиней своими учителями, они не только впитывали все, что те изрекали, но и своими словами объясняли это другим животным. Лошади неизменно присутствовали на всех тайных сходках в амбаре и первыми затягивали «Скотов Англии», поскольку встречи всегда завершались пением этой песни.

И вот вышло так, что Восстание разразилось значительно раньше, а победа была достигнута гораздо легче, чем ожидали. Когда-то в былые времена мистер Джонс считался хотя и жестоким хозяином, но неплохим фермером. Теперь же, однако, для него пришли черные дни. Введенный в убыток проигранной тяжбой, он пал духом и стал попивать. Целыми днями сидел он в кухне в резном деревянном кресле, читал газеты, пил и время от времени кормил Моисея корками хлеба, смоченными в пиве. Работники фермы обленились, начали обманывать его, поля зарастали сорняками, крыши требовали починки, изгороди едва не разваливались, а скот держали впроголодь.

Пришел июнь, вот-вот нужно было начинать сенокос. В Иванов день, который выпал как раз на субботу, мистер Джонс отправился в Уиллингдон и так напился в кабачке «Красный Лев», что вернулся домой только в полдень в воскресенье. Люди, работавшие у него по найму, подоили рано утром коров и отправились охотиться на кроликов, даже не потрудившись покормить животных. Мистер Джонс, в свою очередь, добравшись до дома, сразу же завалился на кушетку в гостиной и, прикрыв лицо газетой, заснул. Короче, и вечером скот по-прежнему был не кормлен. В конце концов животные потеряли терпение. Одна из коров вышибла рогами дверь в кладовую, где хранились запасы еды, и весь скот принялся кормиться прямо из закромов. Как раз в это время проснулся мистер Джонс. Через минуту он и четверо его работников, вооружившись кнутами, кинулись в амбар и принялись стегать скот. Это было чересчур, этого животные стерпеть уже не могли. В едином порыве, хотя никто этого и не предполагал заранее, они бросились на мучителей. Со всех сторон Джонса и его работников бодали и лягали. Ситуация явно выходила из-под контроля. Никогда еще люди не видели, чтобы животные вели себя так, и этот неожиданный мятеж скотов, тех, кого они привыкли бить и над кем измывались как хотели, настолько испугал их, что они уже ничего не соображали. Еще два-три мгновения – и, прекратив сопротивление, все пятеро бросились наутек по дороге, ведущей к шоссе, а животные, ликуя, преследовали их.

Миссис Джонс выглянула в окно спальни и, увидев, что произошло, поспешно побросала в саквояж что подвернулось под руку и бежала с фермы другой дорогой. За ней, сорвавшись с карниза и громко каркая, вылетел Моисей. Животные же гнали Джонса и его работников до самого шоссе, пока не захлопнулись за ними ворота, сбитые из пяти поперечных перекладин. Так и не успевшие понять, что произошло, животные осознали: Восстание победило – Джонс был изгнан, и Господский Двор

достался им.

В первые минуты в столь счастливый исход просто не верилось. Вприпрыжку они пробежались вдоль границ всего хозяйства, словно хотели убедиться, что ни одного человека нигде больше не осталось. А затем, вернувшись к амбарам, принялись уничтожать все следы ненавистного режима Джонса. В углу конюшни была взломана дверь закутка, где хранились кнуты, кольца, которые продевали в носы животных, цепи для собак и страшные ножи, которыми мистер Джонс кастрировал свиней и баранов. Все это полетело в колодец. Вожжи, уздечки, шоры, унижительные торбы были брошены в пылавший во дворе костер. Туда же полетели и кнуты. Животные прыгали от радости, наблюдая, как огонь охватывает кнуты. Снежок швырнул в костер и ленточки, которые в базарные дни вплетали в гривы и хвосты лошадей.

– Ленты, – заявил он, – следует рассматривать как одежду, а это характерный признак человеческого существа. Скоты ходят голыми.

Услышав это, Боксер стряхнул с себя соломенную шляпу, прикрывавшую ему летом уши от мух, и тоже бросил в огонь.

Словом, немного потребовалось времени, чтобы малейшее напоминание о мистере Джонсе было уничтожено. Лишь после этого Наполеон повел животных назад к закромам и выдал каждому двойную порцию зерна, а собакам по две галеты. Затем они семь раз подряд пропели с начала до конца «Скотов Англии» и отправились на отдых. Спали они в эту ночь, как никогда раньше.

Проснувшись, как и всегда, на рассвете, они вспомнили, какую славную одержали победу, и первым делом помчались на луг. Там, за лугом, находился небольшой холм, с которого можно было увидеть почти всю ферму. Животные добрались до вершины и в ясных утренних лучах солнца огляделись. Да, ферма принадлежала им – все вокруг принадлежало им! В диком восторге от этой мысли они принялись скакать от радости, совершая в возбуждении невероятные прыжки. Они купались в росе, набивали рты сладкой летней травой, подбрасывали вверх комья чернозема и упивались его волшебным запахом. Затем, обойдя все хозяйство, они в немом восхищении осмотрели пашню, луга, фруктовый сад, пруд и рошу. Казалось, никогда раньше не видели они всего этого и даже теперь с трудом верили, что отныне все это принадлежит им.

Вернувшись на хозяйственный двор, они молча остановились у дверей господского дома. Он тоже принадлежал им, но войти внутрь никто из них не решался. С минуту помедлив, Снежок и Наполеон навалились, и вход был открыт. Осторожно, чтобы не поломать что-нибудь, животные вошли в дом друг за другом. Они переходили из комнаты в комнату на цыпочках, переговаривались только шепотом и благоговейно разглядывали всю эту невероятную роскошь – кровати с перинами, набитыми перьями, зеркала, кушетку, обитую материей из конского волоса, брюссельский ковер, литографию королевы Виктории над камином в гостиной. А когда спускались уже по лестнице, обнаружили, что исчезла Молли. Они вернулись назад и нашли кобылу в самой лучшей спальне. Взяв синюю ленту с туалетного столика миссис Джонс, Молли прикладывала ее к плечу и глупейшим образом пялилась в зеркало. Единодушно осудив ее, они вышли во двор. С собой прихватили лишь несколько окороков, подвешенных на кухне, чтобы предать их погребению. А кроме того, Боксер ударом копыта пробил пивной бочонок. Больше в доме ничего не трогали. Тут же единогласно приняли резолюцию превратить господский дом в музей. И конечно, все единодушно согласились, что ни одна скотина не должна жить в доме.

После завтрака Снежок и Наполеон вновь созвали животных.

– Товарищи, – обратился к ним Снежок, – сейчас половина седьмого, и впереди долгий день. Сегодня мы начинаем сенокос. Но сначала нам предстоит сделать еще одно дело.

Свиньи сообщили: оказывается, за последние три месяца они научились читать и писать с помощью старого букваря, который принадлежал когда-то детям мистера Джонса, а потом был выброшен на свалку. Наполеон приказал принести банки с черной и белой краской и повел скот к воротам с пятью перекладинами, к тем самым, которые выходили на шоссе. Там Снежок (именно он научился писать лучше всех), зажав кисть в раздвоенном копытце, покрасил выведенные на верхней перекладине ворот слова «Господский Двор» и вместо них вывел: «Скотный Двор». Это было новое название фермы. Затем, вернувшись на хозяйственный двор, Снежок и Наполеон приказали принести лестницу и приставить ее к торцовой стене большого амбара. Они поведали собравшимся, что за те же три месяца благодаря научным изысканиям свиньям удалось свести основные принципы Анимализма к Семи Заповедям. Эти-то Семь Заповедей и будут сейчас начертаны на стене. Они станут раз и навсегда установленными законами, по которым отныне должны будут жить все животные фермы. Снежок не без труда – не так-то просто свинье удержаться на лестнице – вскарабкался наверх и при помощи Крикуна, который стоял несколькими ступеньками ниже и держал банку с краской, принялся за дело. Заповеди большими белыми буквами ложились на просмоленную стену так, чтобы их легко можно было прочесть с расстояния в тридцать ярдов. Вот они:

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ

1. Каждый, кто ходит на двух ногах, – враг.
2. Каждый, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья, – друг.
3. Животные не должны носить одежды.
4. Животные не должны спать на кровати.
5. Животные не должны употреблять спиртные напитки.
6. Животные не должны убивать себе подобных.
7. Все животные равны.

Текст был написан чрезвычайно аккуратно, без ошибок, если не считать, что слово «друг» было написано как «друк», а буква «с» в одном случае оказалась развернутой в обратную сторону. Снежок вслух прочел заповеди, чтобы их услышали все. Скот согласно кивал, а самые смысленные тут же заучивали правила наизусть.

– А теперь, товарищи, – крикнул Снежок, бросая кисть на землю, – на поля! Мы обязаны закончить сенокос раньше, чем делали это Джонс и его работники, пусть это будет делом чести для нас.

Но как раз в эту минуту коровы, которые давно уже вели себя беспокойно, громко замычали. Их не доили уже целые сутки, и они отчаянно страдали. Поразмыслив, свиньи послали за ведрами и довольно успешно справились с дойкой – их копытца,

оказывается, вполне подходили для этого дела. Пенистое, жирное молоко заполнило аж пять ведер, на которые многие поглядывали очень и очень заинтересованно.

– А что будет с этим молоком? – спросил кто-то.

– Иногда Джонс подмешивал его в наш корм из отрубей, – пискнула одна из кур.

– Не отвлекайтесь, не отвлекайтесь, товарищи! – крикнул Наполеон, встав у ведер. – Мы решим, что делать с молоком. Сенокос – вот что важно! Товарищ Снежок возглавит вас. Я догоню через несколько минут. Вперед, товарищи! Сено ждать не будет!

И животные строем потопали в луга косить траву. А когда вечером они вернулись, выяснилось – молоко исчезло.

Глава III

О, как они работали, как потели, чтобы завершить сенокос вовремя! И труды их были вознаграждены. Сена накопили даже больше, чем ожидали.

Порой приходилось нелегко: ведь орудия труда были рассчитаны на людей, не на животных и, конечно же, мешало, что никто из них не умел стоять на задних ногах. Но, к счастью, свиньи были столь умны, что находили выход из любого трудного положения. Ну а лошади отлично знали каждую пядь земли в лугах и понимали, как разумнее косить и ворошить траву, гораздо лучше Джонса и его людей. Нет, сами свиньи не работали, но всем командовали и следили за работой других. Было совершенно естественно, что именно они взяли руководство на себя, потому что как раз свиньи обладали огромными познаниями. Боксер и Травка впрягались в косилку и ворошилку (ни о вожжах, ни о кнутах не могло быть и речи) и круг за кругом тащили их по лугу. А сзади шла одна из свиней и, смотря по обстоятельствам, покрикивала: «Но-о! Товарищ!» или «Тпру-у, товарищ!» Все, даже самые маленькие и безрогие, ворошили траву и сгребали сено, а утки и курицы, пока светило солнце, без усталости сновали взад и вперед, перетаскивая в клювах подсохшие травинки. В итоге сенокос был завершен на два дня раньше, чем это удавалось обычно Джонсу и его работникам. И это был самый богатый сенокос, какой помнила ферма. Они не потеряли ни травинки: куры и утки зоркими глазами выискивали оброненные стебельки и тащили их в общую кучу. И ни одно животное не позволило себе съесть даже клочка сена.

Все лето работа на ферме шла как часы. При этом животные испытывали такое удовольствие, о каком раньше и не догадывались. А когда они ели, то каждый кус доставлял теперь истинное, острое наслаждение, поскольку отныне это была их собственная еда, которую они добыли сами и для себя, а не подачка прижимистого хозяина. Теперь, после изгнания никчемных людей-паразитов, всем доставалось больше еды. Конечно, животные еще были неопытны, но, несмотря на это, у них все равно оставалось больше свободного времени. Да, они встретились со многими трудностями. Например, осенью, когда они собрали зерно, им пришлось давить его копытами, как в давние времена, и сдувать мякину, поскольку на ферме не нашлось молотилки. Но и в этих случаях их выручали умные свиньи и невероятная сила Боксера. Боксер вообще вызывал всеобщее восхищение. Он и при Джонсе работал на совесть, а сейчас, казалось, трудился за троих. Бывали дни, когда едва ли не все на ферме ложилось на его плечи. С утра до ночи он что-то тянул, что-то толкал и всегда оказывался там, где было тяжелей. Он даже договорился с одним из петухов, чтобы тот по утрам будил его на полчаса раньше, чем остальных, и до начала трудового дня вкалывал там, где особенно требовалась его сила. «Я буду работать

еще упорней!» – приговаривал он, встречаясь с любой трудностью, с любой неудачей. Эта фраза стала его девизом.

Впрочем, каждый на ферме отдавал делу все, что мог. Куры и утки, к примеру, убирая урожай, сберегли пять бушелей пшеницы, только подобрав опавшие зернышки. Никто не воровал, не ворчал из-за лишнего куска, а споры, драки и взаимная зависть, обычные в старые времена, почти исчезли. Наконец, никто – или почти никто – не отлынивал от работы. Правда, Молли неохотно вставала по утрам и частенько уходила с поля раньше положенного срока, ссылаясь, скажем, на попавший в копыто камень. И поведение кошки бывало своеобразным. Во всяком случае, животные скоро заметили, что, как только нужно было работать, кошка куда-то исчезала. Она пропадала часами и как ни в чем не бывало вновь объявлялась во время обеда или вечером, к концу трудового дня. Впрочем, у нее всегда находились такие веские причины отсутствия, а кроме того, она так мило мурлыкала, что усомниться в ее добрых намерениях было просто невозможно. Лишь осёл старина Бенджамин, казалось, совершенно не изменился со времен Восстания. Он по-прежнему, как и при Джонсе, трудился медленно и упорно, не отказываясь ни от какой работы, но и не напрашиваясь на сверхурочные. О Восстании, о его результатах, осёл предпочитал помалкивать. А когда его спрашивали, лучше ли ему живется теперь, без Джонса, он говорил в ответ одно и то же: «Ослы живут долго. Никто из вас не видел еще мертвого осла». Ответ звучал загадочно, но приходилось довольствоваться именно им.

По воскресеньям на ферме не работали. Завтрак в этот день переносили на час позже, а по окончании его установилась раз и навсегда заведенная церемония. Прежде всего поднимали флаг. Снежок нашел в кладовой старую зеленую скатерть миссис Джонс и белой краской нарисовал на ней копыто и рог. Эту скатерть и поднимали каждое воскресное утро на флагштоке, установленном в саду фермерского дома. Зеленый цвет нашего стяга, объяснил Снежок, олицетворяет зеленые поля Англии, а копыто и рог – символы будущей Республики Животных, которая возникнет, когда повсеместно будет покончено с людьми. Потом, после поднятия флага, животные строем шли в большой амбар на общее собрание, которое называли митингом. Здесь планировалась работа на следующую неделю, выдвигались и обсуждались различные резолюции. Их всегда предлагали свиньи. Другие же научились голосовать, но придумывать резолюций не умели. В дебатах самыми активными были Снежок и Наполеон, никто не мог равняться с ними. Однако скоро было замечено, что эти двое никогда не сходятся во мнениях: что бы ни предлагал один из них, другой, можно было не сомневаться, непременно оспаривал. Даже когда решили выделить небольшой выгон за садом для животных, отработавших свое, против чего, кажется, никто не мог возразить, между этими двумя разгорелись бурные дебаты уже относительно правильного пенсионного возраста для каждого вида животных. Впрочем, митинги всегда завершались пением песни «Скоты Англии», а после обеда все, как правило, отдыхали.

В кладовой амбара свиньи устроили свой штаб. Здесь по вечерам они изучали кузнечное, плотницкое дело и кой-какие другие ремесла по книгам, которые были обнаружены в господском доме. Снежок, помимо этого, занялся созданием всевозможных организаций, которые называл «Комитеты Животных». Тут он был неутомим. Он сформировал для кур Комитет Производителей Яиц, Лигу Чистых Хвостов – для коров, Комитет по Перевоспитанию Диких Товарищей (целью его было приручить крыс и кроликов), Движение за Белизну Шерсти для овец и некоторые другие. Кроме того, он организовал классы по обучению чтению и письму. В целом все эти проекты провалились. Скажем, попытка приручить диких животных лопнула сразу же. Те вели себя так же, как и раньше, а когда по отношению к ним проявляли великодушие,

они, напротив, старались извлечь из этого выгоду только для себя. Записалась в этот Комитет по Перевоспитанию и кошка, которая первое время проявляла довольно большую активность. В частности, животные видели, как однажды, забравшись на крышу, она беседовала с воробьями, до которых не могла дотянуться. Она объясняла им, что все животные теперь – товарищи и любой воробей, если захочет, может подлететь поближе и отдохнуть на ее лапках. Но воробьи держались на расстоянии.

Зато классы по обучению чтению и письму имели колоссальный успех. Уже к осени почти все животные на ферме в той или иной степени имели представление о грамоте.

А что до свиней, то они теперь в совершенстве умели читать и писать. Довольно бегло научились читать собаки, но их, кроме Семи Заповедей, ничего не интересовало. Коза Мюриэль читала даже лучше собак и порой по вечерам устраивала читки вслух другим животным обрывков газет, попадавших в мусорной куче. Бенджамин умел читать не хуже свиней, но никогда не занимался этим делом. «Насколько мне известно, – говорил он, – нет ничего такого, что стоило бы прочесть». Травка выучила алфавит, но не умела читать слова. А Боксер дошел лишь до буквы Г. Своим большим копытом он чертил порой в пыли: А, Б, В, Г – и, уставившись на буквы, прижимая уши, трясая головой, изо всех сил старался вспомнить, что же дальше, но это ему никогда не удавалось. Правда, раз или два он смог запомнить Д, Е, Ж, З, но стоило ему выучить эти буквы, как он тут же забывал А, Б, В и Г. В конце концов он решил удовлетвориться первыми четырьмя буквами и писал их каждый день раз или два, чтобы освежить память. А Молли, затвердив пять букв, составляющих ее имя, наотрез отказалась учить что-либо еще. Она аккуратно выкладывала эти буквы из веточек, украшала их цветочками и ходила вокруг, любуясь и восхищаясь.

Все остальные животные фермы не смогли продвинуться дальше буквы А. Обнаружилось также, что самые глупые животные, вроде овец, кур и уток, не в силах выучить наизусть и Семь Заповедей. Крепко подумав, Снежок объявил, что Семь Заповедей можно запросто свести к единому правилу, а именно: «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо».

– В общем-то, это правило, – сказал он, – заключает в себе самый существенный принцип Анимализма. И те, кто его хорошо уяснит себе, не смогут подпасть под влияние человека.

Правда, с протестом выступили птицы, поскольку им показалось, что и у них лишь две ноги, но Снежок доказал им, что это не так.

– Товарищи, крыло птицы, – разъяснил он, – это орган движения, а не орган совершения каких-либо действий. Значит, его следует считать ногой. Рука же – отличительная черта Человека, именно руками он творит все зло.

Птицы не поняли пространных рассуждений Снежка, но поверили ему, и все рядовые животные фермы принялись заучивать наизусть новое правило. Для них на торцовой стене амбара, над текстом Семи Заповедей, специально вывели еще более крупным шрифтом: ЧЕТЫРЕ НОГИ – ХОРОШО, ДВЕ НОГИ – ПЛОХО. Овцы, заучив это новое правило наизусть, просто сердцем восприняли его. Теперь, валяясь где-нибудь на лугу, они принимались вдруг хором блеять: «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо! Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо!» – и делали это часами, ничуть не ощущая усталости.

Наполеон не проявил ни малейшего интереса ко всем этим комитетам Снежка. Он заявил, что обучение молодежи важнее, чем что-либо, что можно сделать для взрослых. Джесси и Колокольчик сразу после сенокоса ошенились, и у них родилось девять здоровых щенят. Наполеон, как только матери перестали кормить их своим молоком, забрал щенят, заявив, что берет на себя заботы по обучению и воспитанию. Он утащил их на чердак, куда можно было добраться лишь по лестнице из кладовой, и так заботился об их уединении, что остальные животные вскоре вообще позабыли о существовании щенков.

Прояснилось вскоре и загадочное исчезновение молока. Его ежедневно подмешивали в корм свиньям. То же произошло и с ранними яблоками-падалицей, которой вскоре была усыпана трава в саду. Животные полагали, что само собой их поделят поровну. Но поступил неожиданный приказ: всю падалицу собрать и доставить в кладовую для свиней. Кое-кто начал ворчать, но это не помогло. В этом вопросе свиньи оказались единодушны. Даже Снежок и Наполеон. А объяснить ситуацию поручили Крикуну.

– Товарищи! – прокричал он. – Надеюсь, вы не подумали, что мы, свиньи, сделали это из любви к себе и из желания, так сказать, привилегий. Нет, многие свиньи, прямо говоря, вообще терпеть не могут молока и яблок. Я, к примеру, не переносу их. И единственная цель, которую мы преследуем, забирая все это себе, – это сохранение нашего здоровья. Молоко и яблоки – это доказано Наукой, товарищи, – содержат компоненты, совершенно необходимые для хорошего самочувствия свиней. Мы ведь работники умственного труда. Все управление, вся организация жизни фермы лежат на нас, и только на нас. День и ночь мы печемся о вашем же благе. И если мы пьем это молоко и едим эти яблоки, то ради вас. А представьте, что произойдет, если мы, свиньи, не справимся со своими обязанностями! Вернется Джонс! Да, вернется Джонс! Неужели, товарищи, – убеждал Крикун, прыгая из стороны в сторону и помахивая хвостиком, – неужели среди вас есть такие, кто хотел бы, чтобы вернулся Джонс?

Разумеется, если животные и были в чем-то уверены, то в том, что возвращения Джонса они не хотят. И раз дело было представлено в таком свете, им сказать было нечего. В этом случае поддержание у свиней хорошего здоровья было и очевидным, и важным делом. Вот почему без лишних слов было решено: все молоко и падалицу (а позднее и весь урожай яблок, когда они созреют) надо сохранять лишь для свиней.

Глава IV

К концу лета едва ли не половина страны знала уже, что произошло на Скотном Дворе. День за днем Снежок и Наполеон отправляли во все концы стаи голубей, которым предписывалось вступать в контакт с животными соседних ферм, рассказывать им о Восстании и учить песне «Скоты Англии».

Почти все это время мистер Джонс просидел в пивной «Красный Лев» в Уиллингдоне, жалуясь всем, кто его слушал, на чудовищную несправедливость, свалившуюся на него, на то, как банда обнаглевших скотов выгнала его из усадьбы, принадлежащей ему. Соседи в принципе сочувствовали, но помогать особенно не торопились. В глубине души каждый прикидывал: нельзя ли из беды, постигшей Джонса, извлечь для себя какую выгоду? Обитателям Скотного Двора еще крупно повезло, что хозяйева двух ближайших ферм вечно враждовали друг с другом. Одна из ферм, которая называлась Фоксвуд, представляла собой большое, заброшенное, в чем-то старомодное хозяйство, сильно заросшее лесом; все пастбища этой фермы были истощены, а изгороди – в плачевном состоянии. Владелец ее, мистер Пилкингтон, довольно беспечный джентльмен, большую часть времени посвящал охоте или рыбной

ловле, в зависимости от времени года. Другая ферма была поменьше, и хозяйство здесь велось лучше. Она называлась Пинчфилд. Эта ферма принадлежала мистеру Фредерику, человеку упрямому и ловкому. Он бесконечно судился с соседями и, как рассказывали в округе, умел сорвать крупный куш. Словом, оба так ненавидели друг друга, что даже угроза собственным интересам вряд ли заставила бы их о чем-либо договориться.

Их обоих, конечно же, сильно напугало Восстание на ферме Джонса, и они опасались, как бы их скотина не узнала об этом слишком много. Поначалу они делали вид, что их смешит сама мысль о том, что животные могут управлять фермой. Две недели, утверждали они, и все будет кончено. Они распространяли слухи о том, что животные на Господском Дворе (фермеры упорно говорили «Господский Двор», они не желали даже слышать название «Скотный Двор») бесконечно дерутся друг с другом и одновременно умирают от голода. Но время шло, и, поскольку никто из обитателей Скотного Двора не сдох от голода, Фредерик и Пилкингтон, что называется, сменили пластинку и начали разглагольствовать о полном моральном разложении скотов. Уверяли всех, что на ферме животные поедают друг друга, пытаются собратьев раскаленными подковами и бессовестно обобществили самок. Вот к чему приводят попытки восстать против природы, поучали Фредерик и Пилкингтон.

Однако этим рассказам верили отнюдь не до конца. Смутные, порой преувеличенные известия о чудесной ферме, где животные прогнали людей и взяли управление на себя, гуляли по стране и весь год вызывали в сельской местности волну неповиновения среди домашнего скота. Быки, славившиеся послушанием, вдруг становились дикими, овцы ломали загоны и поедали клевера, коровы опрокидывали подойники, а кони не только отказывались брать препятствия, но и сбрасывали наездников. Кроме того, повсюду разошлась не только мелодия, но даже и слова песни «Скоты Англии». Она распространялась от фермы к ферме с удивительной быстротой. Люди с трудом скрывали бешенство, сдерживали свою ярость, когда слышали эту песню, хотя и убеждали себя притворно, что слова ее просто смешны. Что возьмешь со скотов, говорили они, хотя и от них трудно ожидать такой откровенной ерунды. Впрочем, если удавалось поймать животное, распевавшее эту песню, тут же следовала немедленная порка. Но песня жила. Черные дрозды насвистывали ее, сидя на живых изгородях, голуби ворковали, спрятавшись в листьях вязов, она вплеталась в шум кузни и в звон церковных колоколов. И стоило людям услышать ее, они втайне начинали трепетать, потому что слышали в песне пророчество своей грядущей гибели.

В начале октября, когда пшеница была уже скошена, сложена в стога и даже частично обмолочена, над Скотным Двором закружилась стая голубей и в страшном смятении приземлилась на ферме. Джонс со своими работниками, а также полдюжины людей из Фоксвуда и Пинчфилда уже прошли главные ворота и приближаются сюда. Все они вооружены палками, а Джонс, идущий впереди, держит ружье. Конечно же, они хотят отбить ферму.

Этого ждали давно и заранее хорошо подготовились. За оборону фермы отвечал Снежок, проштудировавший найденную в господском доме старую книгу о походах Юлия Цезаря. Он быстро отдал необходимые распоряжения, и через минуту-другую все животные стояли на своих постах.

Как только люди приблизились к постройкам, Снежок предпринял первую атаку. Тридцать пять голубей взмыли в воздух, кружась над головами людей и поливая их своим пометом. Пока нападавшие отмахивались от них, из-за изгороди выскочили вперед прятавшиеся там гуси и принялись злобно щипать их за икры. Разумеется,

это был всего лишь отвлекающий маневр с целью внести смятение в ряды наступавших, и люди сравнительно легко отогнали гусей палками. Но в этот момент Снежок бросил в бой вторую линию обороны. Мюриэль, Бенджамин, а также все овцы во главе со Снежком кинулись вперед и начали бодать и колоть людей буквально со всех сторон. А Бенджамин развернулся и принялся их лягать. Но люди, обутое в кованые сапоги и вооруженные палками, вновь оказались сильнее. Снежок неожиданно взвизгнул – это был сигнал к отступлению, – и животные разом отступили, бросились через калитку во двор.

Люди закричали от радости. Они решили, что противник отступает в панике, и пустились вдогонку, смешав свои боевые порядки. Этого-то и добивался Снежок. Стоило людям вбежать во двор, как три лошади, три коровы и свиньи, сидевшие до этого в коровнике, выскочили из засады и неожиданно появились в тылу нападавших, отрезая их от калитки. Снежок дал сигнал к наступлению и первым ринулся прямо на Джонса. Тот, заметив его, поднял ружье и выстрелил. Заряд дроби наповал сразил одну из овец и прочертил кровавый след по спине Снежка. Но, не останавливаясь ни на секунду, Снежок бросил свою двухсотфунтовую тушу в ноги Джонса. Ружье выпало у него из рук, а сам Джонс полетел в навозную кучу. Но воистину страшное зрелище являл собой Боксер: он вскинулся на дыбы и, как жеребец, подкованными копытами разил людей. Первый же удар пришелся по голове молодого конюха из Фоксвуда, который рухнул в грязь без признаков жизни. Заметив это, люди побросали палки и попытались убежать. Их охватила паника, и спустя мгновение животные уже гоняли их по двору круг за кругом. Их бодали, лягали, кусали, топтали. Не было существа на ферме, которое бы не считало своим долгом отомстить нападавшим как умеет. Даже кошка неожиданно спрыгнула с крыши на плечи одного из работников, вонзила когти ему в шею, отчего тот дико заорал. Вот почему, когда наконец калитку открыли, люди были рады-радехоньки бежать со двора до самого шоссе. Короче, уже через пять минут после вторжения на ферму нападавшие постыдно ретировались, унося ноги тем же путем, которым пришли, и преследуемые стаей гусей, щипающей их за икры, до самых ворот.

Отступили все, кроме одного. Во дворе Боксер пытался копытом перевернуть молодого конюха, который по-прежнему лежал в грязи лицом вниз. Увы, юноша не шевелился.

– Он умер, – печально сказал Боксер. – Я не хотел этого. Я забыл, что на мне железные подковы. Верите ли, что я сделал это нечаянно?

– Что за сентиментальность, товарищ? – крикнул Снежок, из ран которого все еще струилась кровь. – На войне как на войне. Хороший человек – это мертвый человек.

– Я никого не хотел убивать, даже человека, – твердил и твердил Боксер, и в глазах у него стояли слезы.

– А где же Молли? – спохватился кто-то.

Молли и впрямь исчезла. Ферма переполошилась, поскольку возникли опасения, что люди могли покалечить кобылу или вообще увели с собой. Однако в конце концов ее обнаружили в конюшне. Она пряталась в собственном стойле, зарыв голову в сено! Молли бежала с поля боя, как только раздался выстрел. Короче, убедившись, что Молли цела, все опять вернулись во двор и увидели, что молодой конюх, который оказался всего лишь оглушенным, пришел в себя и удрал.

Все животные опять собрались вместе. Возбужденные, вспоминали о своих подвигах в

сражении и, стараясь перекричать друг друга, рассказывали о них. Словом, все вылилось в импровизированное празднование победы. Немедленно подняли флаг и несколько раз пропели «Скотов Англии», потом устроили торжественные похороны овцы, убитой в бою, и на могиле ее посадили куст боярышника. У открытой могилы с краткой речью выступил Снежок, упирая на то, что, если потребуется, каждый должен быть готов умереть за Скотный Двор.

Единогласно постановили учредить военный орден «Герой Животных первой степени» и тут же наградили им Снежка и Боксера. Орден представлял собой латунную медаль (в общем-то, это были старые латунные бляхи для лошадей, их нашли все в той же кладовке), и его полагалось носить по воскресеньям и в праздничные дни. Учредили также орден «Герой Животных второй степени» и наградили им убитую овцу посмертно.

Долго спорили, как назвать состоявшееся сражение. В конце концов решили именовать его Битвой при Коровнике, ибо именно там, в коровнике, укрывались в засаде силы, нанешие решительное поражение противнику. Ружье мистера Джонса вытащили из грязи, а поскольку в господском доме имелся запас патронов к нему, решили установить его у подножия флагштока как артиллерийское орудие и дважды в год производить салют – двенадцатого октября, в годовщину Битвы при Коровнике, и в Иванов день, в годовщину Восстания.

Глава V

С приближением зимы все больше хлопот стала доставлять Молли. Она опаздывала на работу по утрам и в оправдание говорила, что проспала. Она жаловалась на какие-то мифические боли, хотя аппетит у нее был по-прежнему завидный. Под любым предлогом Молли была готова бежать к водоему с питьевой водой и подолгу стояла там, глупейшим образом разглядывая свое отражение. Впрочем, о ней, о ее проступках ходили слухи и посерьезнее – скажем, однажды, когда Молли, помахивая длинным хвостом и прожевывая клок сена, безмятежно прогуливалась по двору, к ней подошла Травка и отозвала в сторону.

– Молли, – сказала она, – я должна серьезно поговорить с тобой. Сегодня утром я видела, как ты стояла у изгороди, разделяющей Скотный Двор и Фоксвуд, и заглядывала на чужую ферму. С той стороны изгороди стоял один из работников мистера Пилкингтона. Я, конечно, была довольно далеко от вас, но я почти уверена в том, что он о чем-то говорил с тобой и ты позволяла ему щекотать твои ноздри. Что это значит, Молли?

– Он не щекотал! Я там не была! Это неправда! – закричала Молли, надменно пританцовывая на месте и ударяя копытом землю.

– Молли! Посмотри-ка мне в глаза. Можешь ли ты дать мне честное слово, что этот человек не прикасался к твоей морде?

– Это все неправда! – повторила Молли, отводя взгляд, и в следующее мгновение умчалась в луга.

Подозрение шевельнулось в душе Травки. Никого не предупреждая, она отправилась к стойлу Молли и копытом перевернула соломенную подстилку. Под ней она нашла несколько кусочков сахара и разноцветные ленточки.

А через три дня Молли исчезла. Несколько недель никто не знал, куда она пропала, но затем голуби сообщили, что видели ее за Уиллингдоном. Молли якобы была

запряжена в отличный двухколесный экипаж, окрашенный в черный и красный цвета, который стоял у трактира. Дородный румяный мужчина в клетчатых бриджах и крагах, видимо трактирщик, щекотал ей ноздри и кормил сахаром. Она была тщательно подстрижена, в сбруе красовалась алая ленточка. Выглядела Молли совершенно счастливой, утверждали голуби. Больше никто на ферме никогда не упоминал о Молли.

Январь выдался очень суровым. Земля окаменела, в полях работать было невозможно. Участились собрания в большом амбаре, а свиньи занялись планированием работ на будущий сезон. Нет, все по-прежнему решалось большинством голосов, но стало уже правилом, с которым был согласен каждый, что вопросами, касающимися управления фермой, должны заниматься свиньи – умнейшие среди всех. Такой порядок, вероятно, действовал бы успешно, если бы не бесконечные споры между Снежком и Наполеоном. Эти не могли прийти к соглашению ни по одному вопросу, даже там, где и спорить было не о чем. И если один предлагал расширять посеы ячменя, можно было не сомневаться, что другой тут же потребует увеличить посеы овса, а если кто-то из них говорил, что это, допустим, поле подойдет для капусты, другой немедленно возражал, утверждая, что его можно использовать лишь для корнеплодов. У каждого были сторонники, и в результате в амбаре вспыхивали яростные дебаты. И если на митингах чаще побеждал Снежок, блестящими выступлениями завоевывая себе большинство, то в промежутках между собраниями активнее обеспечивал себе поддержку Наполеон. Наибольшим влиянием он пользовался среди овец, которые в последнее время взяли моду к месту и не к месту бляеть: «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо», чем нередко вообще прерывали митинги. Не случайно, как заметили животные, было и то, что чаще всего овцы начинали свою погудку «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо» как раз в критические моменты речей Снежка. А ведь Снежок, внимательно изучив старые номера журнала «Фермерство и Разведение Скота», которые он нашел в господском доме, был полон планов относительно преобразований и всевозможных улучшений. Со знанием дела он толковал о дренаже, силосе, удобрениях, разработал сложную схему унавоживания почв, согласно которой все животные должны были оставлять свои испражнения прямо в поле и каждый раз в новом месте, чтобы выиграть время и труд на транспортировке навоза. Наполеон же никаких собственных схем и планов не разрабатывал и не предлагал, он лишь спокойно говорил, что предложения Снежка ничего животным не дадут. Казалось, он ждал своего часа. Но из всех споров самым ожесточенным вышел спор о ветряной мельнице.

На вытянутом выгоне, неподалеку от фермерских строений, был небольшой холмик – самая высокая точка окрестности. Исследовав это место, Снежок заявил как-то, что оно подходит для строительства ветряка. На мельнице можно было бы установить динамомашину, которая снабдит весь Скотный Двор электрическим током. Это принесло бы свет в стойла, тепло зимой, электричество крутило бы циркульную пилу, соломорезку, крошило бы свеклу и запускало бы электродоилки. Ни о чем подобном никто из животных никогда не слышал (хозяйство на ферме велось по старинке, у Джонса были лишь самые примитивные орудия и машины), и поэтому все слушали Снежка открыв рты, когда он описывал фантастические чудо-машины, которые возьмут на себя всю работу, а им останется мирно пастись в лугах да повышать свой интеллектуальный уровень, беседуя друг с другом и почитывая книги.

Спустя несколько недель Снежок подготовил чертежи ветряной мельницы. Технические решения были заимствованы им в основном из трех книг, принадлежавших когда-то мистеру Джонсу: «Тысяча полезных советов по домоводству», «Каждый человек – кузнец своего счастья» и «Электричество для начинающих». Работал Снежок в сарае, где когда-то помещался инкубатор, на гладком деревянном полу, на котором можно

было чертить. Здесь он проводил долгие часы, раскладывал на полу раскрытые книги, прижимая камнями нужные страницы, и, ухватив кусочек мела раздвоенным копытцем, стремительно носился по комнате, выводя линию за линией и повизгивая от возбуждения. Постепенно у него вырисовывалась сложная система кривошипов и зубчатых колес, которую абсолютно никто не понимал, но которая производила на животных сильное впечатление. Каждый хотя бы раз в день обязательно приходил взглянуть на чертежи Снежка. Заскакивали даже куры и утки, которые изо всех сил старались не наступать на меловые линии. И лишь Наполеон держался в стороне. Он с самого начала заявил, что выступает против строительства мельницы. Впрочем, однажды он, правда, совершенно неожиданно, все-таки пришел и взглянул на схему. Тяжело ступая, он обошел сарай, внимательно изучил каждую деталь, раз или два понюхал чертежи и застыл, глядя на них краем глаза. А потом неожиданно поднял ногу, помочился прямо на схему и, не проронив ни слова, удалился.

Вопрос о строительстве ветряной мельницы разделил животных фермы на два непримиримых лагеря. Снежок не отрицал, что построить ее будет нелегко. Придется добывать камень в карьере, чтобы возвести стены, придется сделать крылья и искать динамомашину и провода (где их достать, Снежок не знал). Тем не менее он полагал, что всю работу можно завершить за год. А потом, заявлял он, мельница будет колоссально экономить живой труд, и животным придется работать не более трех дней в неделю. С другой стороны, Наполеон утверждал, что главное сегодня – это увеличивать производство продуктов, а если они будут терять время на строительство мельницы, то просто околют от голода. Животные тоже разделились на две фракции. Первая выступила под лозунгом «Голосуйте за Снежка и трехдневную рабочую неделю», а другая призывала: «Голосуйте за Наполеона и полные кормушки». Только Бенджамин не примкнул ни к кому. Он не верил ни в то, что корма станут больше, ни в то, что ветряная мельница сэкономит живой труд. «Будет мельница или не будет, – говорил он, – а жизнь останется такой, какой была всегда – то есть тяжелой».

Спорным, кроме строительства мельницы, оставался и вопрос обороны фермы. Все прекрасно понимали, что, хотя люди потерпели поражение в Битве при Коровнике, они, по всей видимости, предпримут новые, более решительные попытки захватить Скотный Двор и реставрировать власть мистера Джонса. Тем более что для этого у людей появились веские причины, поскольку округу облетела весть о победе животных и полном поражении людей и вызвала в соседних хозяйствах новую волну своенравия и сопротивления человеку. И, как всегда, Снежок и Наполеон не могли сойтись во взглядах и по этому вопросу. Наполеон считал, что животным надо обзаводиться огнестрельным оружием и учиться пользоваться им. Снежок утверждал, что главное – чаще посылать во все концы как можно больше голубей и разжигать мятежные настроения среди животных других ферм. Один уверял, что если животные не смогут защитить себя, то их вновь поработят люди, другой пытался доказать, что, если Восстание вспыхнет повсеместно, животным вообще незачем будет защищаться. Обитатели фермы слушали сперва Наполеона, потом Снежка и никак не могли решить, кто же из них прав. В общем-то, они всегда соглашались с тем, кто говорил в данный момент.

Наступил наконец день, когда чертежи мельницы были завершены. Вопрос о том, строить ли ветряную мельницу или нет, предполагалось поставить на голосование на митинге в ближайшее воскресенье. Когда все собрались в большом амбаре, поднялся Снежок и, несмотря на периодическое бляенье овец, изложил свои доводы в пользу строительства мельницы. В ответ выступил Наполеон. Он сказал лишь, что строительство это – чушь, что он советует всем голосовать против мельницы, и после этого тут же уселся на свое место. Он говорил не более тридцати секунд и,

казалось, совершенно не интересовался, какое впечатление произвела его речь. Снежок вновь вскочил и, перекрывая голосом овец, опять принявшихся блеять, стал страстно защищать идею строительства. До этой минуты мнения разделились примерно поровну как за, так и против мельницы, но красноречие Снежка увлекло и его противников. Яркими красками рисовал он картины будущего Скотного Двора, где навсегда исчезнет отупляющий труд. Теперь его мечты простирались гораздо дальше свеклорезок и соломорезок. С помощью электричества, говорил он, можно приводить в движение молотилки, плуги, бороны, машины для стрижки газонов, жатки и сноповязалки, а кроме того, обеспечить каждое стойло электрическим освещением, горячей и холодной водой и даже обогревателем. Когда он кончил, ни у кого не оставалось сомнений, каковы будут итоги голосования. Но как раз в этот момент поднялся Наполеон и, скользнув взглядом по Снежку, пронзительно завизжал. Никто не слышал, чтобы он визжал так когда-нибудь раньше.

В ту же секунду во дворе раздался страшный лай, и в амбар ворвались девять огромных собак в ошейниках, обитых латуней. Они бросились прямо к Снежку, который успел спрыгнуть со своего места и увернулся от их цепких лап. Спустя мгновение он, преследуемый собаками, вылетел из амбара. Изумленные и напуганные животные, не проронив ни слова, молча вышли во двор и наблюдали, как собаки преследуют Снежка. Тот несся по длинному выгону в сторону дороги. Он бежал так, как только могут бегать свиньи, но собаки настигали его. Вдруг он поскользнулся, и на мгновение показалось, что псы схватили его. Но нет, он вскочил на ноги и припустил еще быстрее, однако собаки почти поравнялись с ним. Одна из них чуть не вцепилась в его хвостик, но Снежок успел увильнуть. Он еще надал, когда расстояние между ним и собаками составляло каких-то несколько дюймов, нырнул в дыру в заборе, и больше никто никогда не видел его.

Перепуганные, притихшие животные возвратились в амбар. Туда же через несколько секунд вприпрыжку прибежали и собаки. Поначалу никто не знал, откуда они взялись, но вскоре все объяснилось: это были те самые щенята, которых Наполеон отобрал в свое время у матерей и тайно воспитывал сам. Они еще были молоды, но уже сейчас выглядели внушительно и походили на страшных волков. Плотной стеной окружили они Наполеона, и все заметили, что хвостами они виляют перед ним так же, как в прежние времена собаки виляли хвостами перед мистером Джонсом.

Наполеон в сопровождении псов взшел на возвышение, с которого когда-то Старый Майор произнес свою речь. Он объявил, что с сегодняшнего дня все воскресные митинги отменяются. В них отпала необходимость, сказал он, это просто потеря времени. В дальнейшем все вопросы управления Скотным Двором будет решать под его председательством специальный комитет свиней. Комитет будет работать при закрытых дверях, а его решения будут доводиться до остальных животных. Все по-прежнему будут собираться по утрам в воскресенье, чтобы отсалютовать флагу, спеть «Скотов Англии» и получить наряды на следующую неделю. Но никаких дебатов больше не будет.

Несмотря на шоковое состояние, в котором все пребывали после изгнания Снежка, животные ужаснулись. Кое-кто хотел протестовать, но не смог вовремя найти нужные слова. Даже Боксер был несколько обеспокоен. Прижав уши, он несколько раз потряхнул гривой и попытался собраться с мыслями, но так и не придумал, что сказать. Однако кое-кто среди свиней выразил свои мысли более или менее членораздельно. Четыре молодых поросенка из первого ряда громко завизжали в знак протеста, а затем, вскочив на ноги, разом заговорили. Но собаки, сидевшие возле Наполеона, неожиданно громко и угрожающе зарычали. Поросята стихли и уселись на свои места. Зато овцы тут же оглушительно грянули: «Четыре ноги – хорошо, две

ноги – плохо!» – и бляели не меньше четверти часа, после чего ни о каких дальнейших дискуссиях не могло быть и речи.

Позднее Крикуну было приказано обойти усадьбу и объяснить всем животным новый порядок.

– Товарищи! – взывал он. – Я не сомневаюсь, что каждый из вас сознает, на какие жертвы пошел Товарищ Наполеон, взвалив этот новый груз на свои плечи. Вы думаете, товарищи, что руководить так уж приятно? О нет, это колоссальная и тяжелая ответственность. Товарищ Наполеон более чем кто-либо верит, что все животные – равны. Он был бы счастлив доверить вам самим решать, как управлять усадьбой. Но вы ведь можете ошибаться порой, товарищи, и что случится тогда с нами со всеми? Допустим, вы решили бы пойти за Снежком, с его вздорными ветряными мельницами, за Снежком, который, как мы хорошо знаем теперь, был просто-напросто уголовным преступником.

– Но он храбро сражался в Битве при Коровнике, – возразил кто-то.

– Одной храбрости мало! – воскликнул Крикун. – Важнее верность и послушание. А что касается Битвы при Коровнике, товарищи, то, поверьте, придет время, и мы увидим – его роль в сражении сильно преувеличена. Дисциплина, товарищи, нужна железная дисциплина! Вот сегодня наш лозунг. Один неверный шаг – и враги нас одолеют. Неужели вы хотите, товарищи, возвращения Джонса?

И снова нечем было возразить на этот довод. Конечно же, животные не хотели возвращения Джонса, и раз воскресные дебаты в амбаре вели к этому, то их следовало прекратить. У Боксера было время хорошенько обдумать все, и он выразил общее мнение, сказав: «Раз так говорит Товарищ Наполеон, значит, это правильно». Более того, он безоговорочно принял этот принцип – «Наполеон всегда прав» в дополнение к своему девизу «Я буду работать еще упорней».

Погода переменилась, и началась весенняя пахота. Сарай, в котором Снежок занимался своей мельницей, закрыли, и все решили, что чертежи с пола стерли. Теперь каждое воскресенье в десять утра все сходились в большом амбаре, чтобы получить наряды на следующую неделю. Был выкопан из могилы в саду побелевший череп Старого Майора, который укрепили на колоде у подножия флагштока рядом с ружьем. Отныне после подъема флага животные должны были строем в немом благоговении проходить мимо черепа, прежде чем войти в амбар. Теперь они не сидели уже все вместе, как прежде. Наполеон, Крикун и еще один поросенок по имени Меньшой, который обладал редким даром сочинять стихи и песни, сидели на возвышении, около них полукругом девять псов, а сзади располагались остальные свиньи. Все прочие животные размещались на полу амбара лицом к ним. Наполеон отрывисто, по-военному, зачитывал наряды на следующую неделю, а потом, пропев один раз «Скотов Англии», животные расходились.

Через три недели после изгнания Снежка животные были поражены, услышав заявление Наполеона о том, что ветряная мельница все-таки будет строиться. Он не счел нужным объяснять, отчего вдруг изменил свою точку зрения, просто предупредил всех, что эта дополнительная работа будет очень тяжелой. Возможно, сказал он, придется даже сократить выдачу корма. Что до чертежей, то они до мельчайших деталей уже готовы. Особый комитет свиней разрабатывал их последние три недели. Сооружение ветряной мельницы, а также кое-какие другие работы по реконструкции потребуют, как предполагается, два года.

В тот вечер Крикун частным образом растолковывал всем, что, по правде говоря, Наполеон никогда не был против строительства мельницы. Наоборот, именно он и выдвинул эту идею первым, а чертежи, сделанные Снежком на полу инкубатора, на самом деле были выкрадены из бумаг Наполеона. Так что ветряная мельница – детище Наполеона. Почему же, спросил кто-то из животных, он так решительно выступал против ее строительства? Крикун многозначительно и лукаво улыбнулся. Это, сказал он, хитрость Товарища Наполеона. Он делал вид, что выступает против мельницы, это был лишь маневр, чтобы избавиться от Снежка, который оказался опасной личностью и дурно влиял на животных. Теперь Снежка нет, и план строительства мельницы можно реализовать без его вмешательства. Это так называемый тактический прием, сказал Крикун. «Тактика, товарищи, тактика!» – повторил он несколько раз, припрыгивая, весело похохатывая и быстро вертя хвостиком. Никто так и не понял значения этого слова, но Крикун говорил так убедительно, а три собаки, оказавшиеся рядом с ним, рычали так грозно, что все поверили ему на слово и больше не задавали вопросов.

Глава VI

Весь год животные работали как рабы. Но они были счастливы. Никто не жалел сил, никто не считал жертв, ведь каждый хорошо знал – его труд пойдет на благо им самим и их потомкам, а не своре праздных и вороватых людей.

Всю весну и лето они работали по шестьдесят часов в неделю, а в августе Наполеон объявил, что придется работать еще и по воскресеньям после обеда. Конечно, эта работа по воскресеньям будет совершенно добровольной, но норма выдачи корма не явившимся на нее животным будет сокращена вдвое. И все-таки пришлось отказаться от некоторых запланированных работ. Урожай оказался несколько ниже, чем в прошлом году, а два поля, которые в начале лета намечалось засеять корнеплодами, так и не засеяли, потому что не успели вспахать вовремя. Нетрудно было догадаться, что надвигающаяся зима станет не из легких.

Непредвиденные трудности возникли на строительстве ветряной мельницы. На территории фермы был неплохой карьер известняка, а в одном из дальних сараев обнаружили большие запасы песка и цемента. Таким образом, все необходимые материалы были. Но животные поначалу не могли додуматься, как дробить большие глыбы известняка на куски нужного размера. Задача казалась неразрешимой, потому что разломать их можно было лишь киркой и ломом, но этими инструментами ни одно животное пользоваться не могло, так как не умело стоять на задних ногах. Потребовались недели напрасных усилий, прежде чем кому-то пришла в голову счастливая мысль использовать силу тяжести. Огромные валуны, слишком большие для возведения мельницы, лежали на дне карьера. Животные обвязывали их веревками, а потом все вместе – коровы, лошади, овцы – все животные, способные взяться за веревку (в критические моменты помогали даже свиньи), все вместе мало-помалу тянули валуны наверх, а оттуда сбрасывали их, и они раскалывались на части. Транспортировка разломанных таким образом камней была сравнительно простым делом. Лошади возили их на телегах, овцы таскали по камушку, даже Мюриэль с Бенджамином впряглись в старую повозку и помогали как могли. К концу лета камней было заготовлено достаточно, и под надзором свиней сооружение здания мельницы началось.

Но на все это ушло очень много и времени, и сил. Порой приходилось затрачивать целый день, чтобы отчаянными усилиями вытащить из карьера одну-единственную глыбу, а когда ее сбрасывали вниз, она все равно не разбивалась. Вообще ничего не получилось бы без Боксера. Казалось, что у него столько же силы, сколько у всех остальных животных. Если глыба вдруг начинала соскальзывать вниз и животные

кричали в отчаянии, потому что она тянула их за собой, Боксер, напрягая все силы, останавливал камень. Нельзя было не восхищаться тем, как дюйм за дюймом поднимался он по склону карьера, дыша часто и мощно, крепко цепляясь за землю копытами, а его огромные бока покрывались потом. Временами Травка уговаривала его не перенапрягаться, но Боксер не слушал ее. На любые трудности он готов был отвечать двумя девизами: «Я буду работать еще упорней» и «Наполеон всегда прав». Теперь он договорился с петухом, чтобы тот будил его по утрам не на полчаса – на три четверти часа раньше подъема. А в свободное от работы время, которого теперь было совсем немного, Боксер в одиночку отправлялся в карьер и нагружал в телегу битый камень, без посторонней помощи отвозил его к месту строительства мельницы.

Работа была тяжелой, но жилось животным в то лето не так уж и плохо. Кормили их не лучше, чем во времена Джонса, но и не хуже. Им приходилось содержать только самих себя; им не нужно было вдобавок обеспечивать жизнь еще пятерых расточительных людей-паразитов. Преимущество оказалось таким значительным, что нужно было наделать немало ошибок, чтобы перекрыть его. А кроме того, во многом животные вели хозяйство гораздо эффективнее, экономнее людей. Прополка, например, проводилась с такой тщательностью, на какую не способен человек. Животные ничего не воровали, а потому не было нужды отделять пастбища от пашни, чинить изгороди и ворота. И тем не менее к концу лета обнаружился дефицит самых различных вещей. Не стало керосина, гвоздей, веревок, собачьих галет, железа для подков. Ничего этого на ферме не производили. Выяснилось, что потребуются также семена и искусственные удобрения, различные инструменты и, конечно, машины для мельницы. Никто не знал, как все это можно достать.

Утром в одно из воскресений, когда все собрались в амбаре, чтобы получить наряды на следующую неделю, Наполеон объявил, что решил перейти к новой хозяйственной политике. Отныне Скотный Двор будет торговать с соседними фермами. Разумеется, не в корыстных целях, а ради того, чтобы приобрести жизненно необходимые для фермы материалы. На первом месте, сказал он, должны стоять интересы строительства ветряной мельницы. Поэтому он уже ведет переговоры о продаже стога сена и части урожая зерна, а позже, если еще потребуются деньги, их придется зарабатывать продажей яиц, которые всегда пользуются повышенным спросом в Уиллингдоне. Куры, заявил Наполеон, с радостью принесут эту жертву, так как она будет их личным вкладом в строительство ветряка.

И опять животным стало немного не по себе. Никогда не иметь дела с людьми, не заниматься торговлей, не пользоваться деньгами – разве не об этом говорилось в самых первых резолюциях, принятых на том триумфальном митинге после изгнания Джонса? Ведь все помнили, как выносились эти решения, во всяком случае, животным казалось, что они помнят об этом. Только четыре юных поросенка, те, которые протестовали, когда Наполеон отменил митинги, попытались что-то робко сказать, но оглушительный рык собак заставил их тут же замолчать. Овцы, как всегда, принялись блеять свое «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо», и минутное замешательство сгладилось. Наконец Наполеон поднял свое копытце и призвал всех к тишине. Он заявил, что никому из животных не придется вступать в контакт с людьми, это, конечно же, крайне нежелательно, и поэтому он уже договорился обо всем. Весь этот груз он намерен взять на свои плечи. Некий мистер Уимпер, поверенный из Уиллингдона, согласился быть посредником между Скотным Двором и внешним миром – он будет приезжать на ферму по понедельникам с утра и получать инструкции. И Наполеон закончил речь своим обычным призывом: «Да здравствует Скотный Двор!», и после исполнения песни «Скоты Англии» животным разрешили разойтись.

Позднее Крикун обошел усадьбу, успокаивая животных. Он уверял, что резолюция, запрещающая торговлю и использование денег, на самом деле не принималась и даже не выносилась на обсуждение. Это чистой воды фантазия, корни которой, вероятно, кроются в тех лживых выдумках, которые распускал Снежок. Кое-кто продолжал еще сомневаться, но Крикун со значением спросил: «А вы уверены, товарищи, что вам это не приснилось? Разве эта резолюция где-нибудь зафиксирована? Где она записана?» И поскольку, если уж быть справедливым, она действительно нигде не была зафиксирована, животные, как один, признали, что просто ошиблись.

Как и договорились, на ферму стал приезжать каждый понедельник мистер Уимпер. Хитрый на вид человек, небольшого роста, с бакенбардами, он был довольно мелким дельцом, но достаточно умным, чтобы первым сообразить – Скотному Двору потребуется маклер и это сулит немалые комиссионные. С ужасом наблюдали животные за его приездами и отъездами и всеми силами старались избегать встречи с ним. И тем не менее, когда они видели, как Наполеон, стоя на четырех ногах, отдавал распоряжения двуногому Уимперу, сердца их наполнялись гордостью, которая отчасти примиряла их с новым порядком. Их отношения с людьми стали теперь иными. Люди по-прежнему ненавидели Скотный Двор, а оттого, что он процветал, ненавидели еще больше. Каждый человек свято верил, что рано или поздно Скотный Двор обанкротится, и прежде всего провалится проект постройки ветряной мельницы. Встречаясь в пивнушках, люди доказывали друг другу с помощью расчетов, что мельница обязательно рухнет, а если и не рухнет, то все равно не будет работать. Но, вопреки своим желанием, они начали понемногу уважать скотов за эффективность, с какой тем удавалось вести свои дела. В частности, люди перестали называть усадьбу Господским Двором и стали именовать ее правильно – Скотный Двор. Кроме того, они перестали защищать Джонса, который, потеряв всякую надежду вернуть ферму, куда-то уехал. Никаких контактов, если не считать Уимпера, между Скотным Двором и внешним миром пока не было, но ходили упорные слухи, что Наполеон собирается заключить какое-то деловое соглашение то ли с мистером Пилкингтоном из Фоксвуда, то ли с мистером Фредериком из Пинчфилда, но ни в коем случае – и это особо отмечалось – не одновременно с обоими.

Примерно в это время свиньи неожиданно перебрались в господский дом и стали жить в нем. И опять животные вроде бы вспомнили, что была, кажется, резолюция, запрещающая это, и опять Крикун сумел убедить всех, что дело тут в другом. Абсолютно необходимо, доказывал он, чтобы свиньи, мозг усадьбы, имели бы для работы спокойное место. Да и дом больше соответствует достоинству Вождя (последнее время он стал называть Наполеона не иначе как «Вождь»), которому не пристало жить в свином хлеву. И все же некоторые животные были смущены, когда узнали, что свиньи не только едят на кухне и отдыхают в гостиной, но и спят в кроватях. Боксер отреагировал на это своей обычной фразой: «Наполеон всегда прав!», но Травка, которой казалось, что она помнит четкое правило насчет кроватей, отправилась к торцовой стене амбара и попыталась прочесть Семь Заповедей, что были начертаны на ней. Обнаружив, что, кроме отдельных букв, ей ничего не прочесть, она позвала Мюриэль.

– Мюриэль, – попросила она, – прочти мне Четвертую Заповедь. Разве там не говорится, что нельзя спать на кроватях?

Мюриэль с трудом, но прочла заповедь.

– Тут написано: «Животные не должны спать на кровати с простынями», – сказала она наконец.

Как ни странно, но Травка не помнила, чтобы в Четвертой Заповеди говорилось что-нибудь о простынях. Но раз это написано на стене, значит, говорилось. А Крикун, который в сопровождении двух или трех собак как раз проходил мимо, окончательно прояснил этот вопрос.

– Итак, вы слышали, товарищи, – сказал он, – что мы, свиньи, спим на кроватях в господском доме? А почему бы и нет? Разве спать на кроватях когда-нибудь запрещалось? Ведь кровать – это просто место, где спят. Строго говоря, подстилка из соломы в стойле – тоже кровать. Есть запрет насчет простынь. Простыни – это изобретение человека. Мы убрали все простыни с кроватей в господском доме и спим между одеялами. Ах какие там удобные кровати! Впрочем, не удобнее, чем нужно свиньям. Вот что я должен сказать вам, товарищи, – не удобнее, учитывая всю ту умственную работу, которой нам приходится заниматься. Ведь вы не хотите лишить нас отдыха, товарищи? Вы же не хотите, чтобы мы так уставали, что были бы не в состоянии выполнять свои обязанности? И уж, конечно, никто из вас не хочет возвращения Джонса?

Животные тотчас заверили его, что он абсолютно прав – они не хотят возвращения Джонса, и больше никто уже не задавал вопросов относительно того, что свиньи спят на кроватях в господском доме. А когда через несколько дней объявили, что свиньи отныне будут вставать по утрам на час позже, это уже не вызвало никаких жалоб.

К осени животные вымотались окончательно, но были счастливы. Прошедший год оказался очень трудным, после продажи части сена и зерна запасов на зиму осталось не слишком много, но все оправдывала мельница, которая была готова почти наполовину. После уборки урожая выдалось несколько сухих ясных дней, и животные трудились упорнее, чем обычно. Стоит, считали они, весь день таскать тяжелые камни, если благодаря этому удастся нарастить стены еще на фут. Боксер приходил даже по ночам и в одиночку часок-другой работал при свете осенней луны. А в свободные минуты животные собирались у мельницы и обходили недостроенное здание снова и снова, любуясь на мощные перпендикулярные стены и поражаясь, что они, скоты, смогли возвести такое чудо. Лишь старый Бенджамин не выражал по поводу мельницы энтузиазма, хотя, как обычно, он и не говорил ничего против, кроме обычной загадочной фразы о том, что ослы живут долго.

Пришел ноябрь с сильными юго-западными ветрами. Строительство пришлось приостановить, потому что стало чересчур сыро, чтобы замешивать цемент. В одну из ночей был такой сильный ветер, что постройки фермы шатались на фундаментах и несколько черепиц сорвало с крыши амбара. С пронзительным криком проснулись куры – им приснился ужасный сон, что где-то раздался ружейный выстрел. Утром, выйдя во двор, животные увидели, что флагшток повален, а вяз в саду вырван с корнем, как редиска. Не успели они удивиться, как из всех глоток вырвался крик отчаяния. Страшное зрелище предстало перед их глазами. Ветряная мельница рухнула.

Они бросились к холму. Наполеон, который почти всегда передвигался только шагом, мчался впереди всех. О да, плоды их труда превратились в развалины, остался один фундамент, а камни, которые они с таким трудом выламывали в карьере и втаскивали на холм, были разбросаны вокруг. Молча они стояли и печально смотрели на груды камней. Наполеон, тоже молча, ходил взад и вперед, время от времени обнюхивая землю. Хвостик его стал жестким и резко двигался из стороны в сторону, что было у него признаком интенсивной умственной работы. Вдруг он остановился, как будто придя к какому-то решению.

– Товарищи, – не теряя самообладания, сказал он. – Знаете, чья это работа? Знаете, как зовут нашего врага, который явился сюда ночью и разрушил мельницу? Это Снежок! – проревел он громовым голосом. – Это сделал Снежок! По злобе, и только по злобе, желая сорвать наши планы и отомстить за свое позорное изгнание, этот предатель под покровом ночи пробрался сюда и разрушил то, над чем мы трудились почти год. Товарищи, сейчас на этом самом месте я приговариваю Снежка к смертной казни. Каждый, кто поймает его, получит орден «Герой Животных второй степени» и полбушеля яблок. И полный бушель тому, что доставит его живым!

Животные были совершенно потрясены, что Снежок оказался способным на такое преступление. Раздались негодующие крики, и скоты стали прикидывать, как поймать изменника, если он когда-нибудь вернется обратно. Почти сразу же неподалеку от холма в траве были обнаружены отпечатки копыт свиньи. Они прослеживались лишь на протяжении нескольких ярдов, но явно вели к лазу в изгороди. Наполеон обнюхал следы и объявил, что они принадлежат Снежку. Он предположил, что Снежок, возможно, пробрался со стороны Фоксвуда.

– Не будем терять времени, товарищи! – крикнул Наполеон, обследовав следы. – Пора приниматься за работу. Сегодня же утром мы начнем восстанавливать мельницу и будем строить ее всю зиму – и в дождь, и в солнечную погоду. Мы покажем этому жалкому предателю, что никому не удастся так легко перечеркнуть наш труд. Помните, товарищи, планы наши не меняются: мы выполним их день в день. Вперед, товарищи! Да здравствует ветряная мельница! Да здравствует Скотный Двор!

Глава VII

Зима оказалась суровой. Ураганные ветры сменились дождями и снегопадами, а потом ударили морозы, которые простояли до февраля. Животные старались изо всех сил восстановить ветряную мельницу. Они хорошо понимали, что весь мир смотрит на них, что люди завидуют им и будут торжествовать и радоваться, если строительство мельницы не удастся завершить в срок.

Назло животным люди делали вид, что не верят в вину Снежка, и болтали, что мельницу разрушил не он, виной всему – слишком тонкие и непрочные стены. Дело вовсе не в стенах – скоты знали это. Но тем не менее было решено увеличить толщину стен с восемнадцати дюймов до трех футов, а это означало, что камня потребуется заготовить гораздо больше. Приступить к работе долгое время не удавалось: карьер завалило снегом. Дело немного сдвинулось лишь в сухую морозную погоду, наступившую после снегопадов, хотя это был адский труд и он теперь не доставлял той радости, что раньше. Животные мерзли и, как правило, были голодны. Только Боксер и Травка не теряли надежды. Крикун произносил прекрасные речи о радости служения делу, о достоинстве труда, но гораздо больше животных вдохновлял пример неутомимого Боксера и его неувядающий девиз «Я буду работать еще упорней!».

В январе стало не хватать корма. Резко сократили выдачу зерна, и было объявлено, что в порядке компенсации будут выдавать больше картофеля. Затем обнаружилось, что основную часть урожая картофеля поморозили в плохо утепленных буртах. Картофель размяк, потемнел и почти не годился в пищу. По многу дней есть было нечего, кроме мякины и свеклы. Голод глядел им в лицо.

Этот факт было жизненно необходимо скрыть от внешнего мира. Люди, ободренные рухнувшей мельницей, и так выдумывали небылицы о Скотном Дворе. Опять поползли слухи, что животные на ферме мрут от голода и болезней, дерутся, как и раньше, между собой, предаются каннибализму и детоубийству. Наполеон отлично понимал все

негативные последствия, если станет известно подлинное продовольственное положение фермы, и он решил использовать мистера Уимпера, чтобы распространять противоположную информацию. Раньше животные почти не встречались с мистером Уимпером во время его еженедельных визитов, но теперь несколько специально отобранных животных (в основном овцы) получили указание как бы невзначай обмолвиться в его присутствии, что нормы выдачи корма увеличены. Вдобавок Наполеон приказал до краев наполнить практически пустые кормушки в сарае песком, а сверху присыпать остатками зерна и муки. Под благовидным предлогом Уимпера провели через сарай – так, чтобы он увидел кормушки. Хитрость удалась, и Уимпер всем сообщал теперь, что нехватки продовольствия на ферме нет.

И все-таки к концу января стало очевидным, что придется где-то искать зерно. Теперь Наполеон редко появлялся на публике и все время проводил в господском доме, двери которого охраняли страшные собаки. Когда он все же выходил, то делал это внушительно и церемонно, в сопровождении шести собак, окружавших его со всех сторон и рычавших на любого, кто подходил слишком близко. Но чаще всего, даже по утрам в воскресенье, он посылал вместо себя отдавать распоряжения кого-нибудь другого из свиней, обычно Крикуна.

В одно воскресное утро Крикун объявил, что куры, которые только что начали снова нестись, должны сдать все яйца. Наполеон через Уимпера заключил контракт на поставку четырехсот яиц в неделю. Вырученные суммы пойдут на покупку необходимого количества зерна и муки, чтобы продержаться до лета, когда станет полегче.

Куры, услышав это, подняли страшный крик. Их предупреждали и раньше, что такая жертва, возможно, потребуется от них, но они думали, что дело до этого не дойдет. Они как раз готовили яйца, чтобы высидеть их весной, и утверждали, что забирать их теперь равносильно убийству. Впервые после изгнания Джона происходило нечто напоминавшее восстание. Во главе с тремя несушками черной миноркской породы куры предприняли решительную попытку помешать планам Наполеона. Тактика их заключалась в том, что они взлетали на стропила и клали яйца там, в результате яйца падали на землю и разбивались вдребезги. Наполеон отреагировал быстро и безжалостно. Он приказал прекратить выдачу корма курам и издал декрет, что любое животное, которое посмеет поделиться с ними хоть зернышком, будет лишено жизни. Собаки следили за неукоснительным исполнением этого распоряжения. Куры держались пять дней, после чего капитулировали и вернулись в свои гнезда. Девять кур сдохло за время мятежа. Их похоронили в саду, объявив, что умерли они от коккидиоза. Уимпер, разумеется, ничего этого не узнал. Поставки яиц осуществлялись должным образом, и раз в неделю за ними на ферму приезжал фургон лавочника.

Все это время о Снежке ничего не было слышно. Ходили слухи, что он скрывается на одной из соседних ферм, то ли в Фоксвуде, то ли в Пинчфилде. К этому времени Наполеону удалось несколько улучшить отношения с соседями. Во дворе обнаружили штабель леса, сложенный лет десять назад, когда расчищали буковую рощу. Древесина была отлично выдержана, и Уимпер посоветовал Наполеону продать ее. И мистер Пилкингтон, и мистер Фредерик хотели купить лес. Наполеон колебался и никак не мог решить, кого же из покупателей предпочесть. Было замечено, что, как только он склонялся к соглашению с Фредериком, объявляли, что Снежок скрывался в Фоксвуде, а когда он выбирал Пилкингтона, говорили, что Снежок – в Пинчфилде.

Но то, что открылось ранней весной, очень встревожило ферму. Оказывается, Снежок тайно, по ночам, наведывается на ферму. Животные были так взволнованы, что почти

перестали спать в стойлах. Говорили, что каждую ночь, под покровом темноты, Снежок пробирается в усадьбу и занимается вредительством. Крадет корм, опрокидывает подойники, разбивает яйца, вытаптывает озимые, обгладывает кору фруктовых деревьев. Что бы ни случилось теперь на ферме, ответственность сразу же возлагали на Снежка. Если обнаруживалось разбитое окно или засоренная дренажная канавка, тотчас говорили, что это последствия ночных вылазок Снежка. Когда потерялся ключ от сарая, вся усадьба не сомневалась, что Снежок выбросил его в колодец. Как ни странно, они продолжали верить в это даже тогда, когда пропавший ключ неожиданно обнаружили под мешком с мукой. Коровы единодушно заявили, что Снежок подкрадывается к ним по ночам и доит их во сне. Поговаривали, что и крысы, доставлявшие немало хлопот в ту зиму, в сговоре с ним.

Наполеон издал декрет о проведении детального расследования подрывной деятельности Снежка. В сопровождении собак он тщательно обследовал все помещения фермы. Все остальные животные шли за ним на почтительном расстоянии. Через каждые несколько шагов Наполеон останавливался и обнюхивал землю в поисках следов Снежка, которые, как утверждал, может определить по запаху. Он обнюхивал каждый угол, каждый закуток в амбаре, в коровнике, в курятнике, в огороде и почти всюду находил следы Снежка. Он опускал морду к земле, несколько раз глубоко вдыхал воздух и восклицал грозным голосом:

– Снежок! Он был здесь! Я отчетливо чую его запах!

При слове «Снежок» псы кровожадно рычали и скалили зубы.

Обитатели фермы были перепуганы совершенно. Им казалось, что Снежок стал каким-то призраком, растворяющимся в атмосфере усадьбы, несущим всевозможные опасности. Вечером Крикун собрал их всех вместе и, не скрывая тревоги, сказал, что должен сообщить очень серьезные новости.

– Товарищи! – провизжал Крикун, нервно припрыгивая. – Раскрыта страшная вещь, Снежок проданся Фредерику из Пинчфилда, который замышляет напасть на нас и присвоить нашу ферму! Снежок должен показать ему дорогу, когда начнется нападение. Но дела обстоят еще хуже. Мы считали, что бунт Снежка вызван его тщеславием и честолюбием. Увы, мы ошибались, товарищи. Знаете, чем он вызван на самом деле? Снежок с самого начала был в сговоре с Джонсом! Он всегда был тайным агентом Джонса. Это подтверждается документами, которые остались после него и которые мы только что обнаружили. По-моему, это многое объясняет, товарищи. Разве не видели мы своими глазами, как он старался – к счастью, безуспешно – привести нас к поражению и гибели в Битве при Коровнике?

Скоты остолбенели. Даже разрушение ветряной мельницы бледнело перед таким коварством. Но потребовалось несколько минут, чтобы переварить все это. Все они помнили, во всяком случае им казалось, что они помнят, как в Битве при Коровнике Снежок мчался впереди всех, как он плачивал их и подбадривал во время сражения и как не медлил ни секунды даже тогда, когда дробь Джонса ранила его в спину. Поначалу не очень-то легко было все это уложить в схему, согласно которой он был на стороне Джонса. Даже Боксер, который редко задавал вопросы, был озадачен. Он лег, подобрал под себя передние ноги, закрыл глаза и попытался выразить свои мысли.

– Я не верю, – сказал он. – Снежок храбро сражался в Битве при Коровнике. Я сам это видел. Разве он не был награжден орденом «Герой Животных первой степени»

сразу же после сражения?

– О, это была наша ошибка, товарищи. Теперь-то мы хорошо знаем – все это есть в секретных документах, которые мы обнаружили, – что на самом деле Снежок пытался заманить нас в ловушку и обречь на гибель.

– Но он был ранен, – возразил Боксер. – Мы все видели, что он истекал кровью.

– И это было подстроено! – завопил Крикун. – Дробь Джонса едва коснулась его. Я мог бы показать вам документы, если бы вы могли их прочесть, где им самим все это написано. Они сговорились, что в критический момент Снежок даст сигнал отступления и оставит поле боя за противником. И это почти удалось, я бы даже сказал, товарищи, ему удалось бы это, если бы не наш героический Вождь, Товарищ Наполеон. Разве вы не помните, как в тот самый момент, когда Джонс и его люди ворвались во двор, Снежок вдруг развернулся и бросился наутек, увлекая за собой многих из вас? Вы что же, забыли, что как раз в этот момент, когда всех охватывала паника и все казалось потерянным, Товарищ Наполеон с криком «Смерть людям!» прыгнул вперед и вонзил зубы в ногу Джонса? Конечно, вы все помните это, товарищи?! – воскликнул Крикун, прыгая из стороны в сторону.

Теперь, когда Крикун так четко обрисовал всю сцену, многим показалось, что они что-то припоминают. Во всяком случае, они хорошо помнили, что в критический момент сражения Снежок и впрямь повернулся и побежал. Но все же Боксеру было немного не по себе.

– Я не верю, что Снежок был предателем с самого начала, – сказал он наконец. – Что он делал потом – это другое дело. Но в Битве при Коровнике, я думаю, он был хорошим товарищем.

– Наш Вождь, Товарищ Наполеон, – очень медленно и очень твердо начал Крикун, – утверждает категорически – категорически, товарищ, – что Снежок был агентом Джонса с самого начала – да, задолго до того, как возникла сама мысль о Восстании.

– Ну, раз так, это другое дело! – сказал Боксер. – Если Товарищ Наполеон говорит так, значит, это правда.

– Правильно рассуждаете, товарищ! – громко одобрил Крикун, но все заметили, что поглядел он на Боксера своими маленькими блестящими глазками очень гадко. Он повернулся, чтобы уйти, но остановился и добавил выразительным тоном: – Я советую каждому на этой ферме смотреть в оба. У нас есть основания считать, что тайные агенты Снежка и по сей день находятся среди нас!

Через четыре дня, к вечеру, Наполеон приказал собраться всем во дворе. Когда все собрались, из дверей господского дома, в окружении девяти огромных псов, рычащих так, что у животных пробегали мурашки по спине, навесив на грудь оба свои ордена (не так давно он наградил себя орденом «Герой Животных первой степени» и «Герой Животных второй степени»), вышел Наполеон. Животные молчали, съжившись от страха на своих местах, будто заранее знали, что должно произойти нечто ужасное.

Наполеон стоял и сурово глядел на животных. Внезапно он пронзительно взвизгнул. Собаки тут же бросились вперед и, схватив за уши четырех поросят, завизжавших от боли и ужаса, приволокли их к ногам Наполеона. Из ушей поросят текла кровь, и собаки, попробовав ее вкус, казалось, на какое-то мгновение просто взбесились.

Три пса, к изумлению всех присутствующих, кинулись на Боксера. Боксер, видя такое, поймал одну из собак на копыто еще в прыжке и прижал к земле. Пес взвыл о пощаде, а два других, поджав хвосты, бросились прочь. Боксер взглянул на Наполеона, словно спрашивая – добить ему собаку или отпустить. Наполеон изменился в лице и резко приказал Боксеру отпустить пса. Боксер приподнял копыто, и скулящая, израненная собака отползла к хозяину.

Суматоха улеглась. Четыре поросенка, дрожа от страха, ждали решения своей судьбы, всем своим видом выражая признание вины. Наполеон призвал их публично признаться в своих преступлениях. Это были те четыре поросенка, которые пытались протестовать против отмены воскресных митингов. Без дальнейших подсказок они признались, что со времени изгнания Снежка тайно поддерживали связь с ним, помогали ему разрушить ветряную мельницу и вошли с ним в сговор о передаче Скотного Двора мистеру Фредерику. Они добавили также, что Снежок лично признавался в разговорах с ними в том, что многие годы является агентом Джонса. Как только поросята кончили признаваться, собаки без проволочек перегрызли им горло, а грозный голос Наполеона спросил, есть ли еще животные, кто должен признаться в каких-нибудь преступлениях.

Вперед вышли три несушки, возглавлявшие попытку бунта в защиту яиц. Они рассказали, что Снежок явился им во сне и подстрекал их не выполнять приказы Наполеона. Кур тоже казнили. Затем вышел гусь и признался, что во время сбора последнего урожая утаил шесть колосков пшеницы и съел их ночью. Потом одна из овец повинилась, что мочилась в пруд с питьевой водой и принудил ее к этому опять же Снежок. А еще две овцы сознались, что довели до смерти страдающего от кашля старого барана, который был горячим сторонником Наполеона, гоняя его кругами вокруг костра. Всех их убили тут же на месте. И пока продолжались все эти признания и казни, у ног Наполеона выросла гора трупов, а воздух пропитался густым запахом крови, от которого на ферме давно отвыкли со времени изгнания Джонса.

Когда все было кончено, животные, кроме свиней и собак, ушли. Они были потрясены и подавлены. И они не знали, что сильнее потрясло их – предательство животных, вступивших в сговор со Снежком, или жестокое возмездие, которое они только что наблюдали. В старые времена было немало подобных кровавых сцен, но всем казалось, что теперь все гораздо хуже, потому что произошло среди них самих. Ведь после того, как Джонс был изгнан, и до сегодняшнего дня животные не убивали друг друга. Не убивали даже крыс.

Животные потянулись на маленький холм, где стояла недостроенная ветряная мельница, легли на землю, прижимаясь друг к другу, чтобы отогреться, – Травка, Мюриэль, Бенджамин, коровы, овцы и целый выводок гусей и кур – все, кроме кошки, которая исчезла как раз перед тем, как Наполеон приказал собраться. Они молча лежали, сначала никто не говорил, только Боксер по-прежнему остался стоять. Он переминался с ноги на ногу, обмахивался длинным черным хвостом и время от времени недоуменно ржал. Наконец он сказал:

– Я этого не понимаю. Я никогда бы не поверил, что такое возможно у нас. Наверное, мы допустили какую-то ошибку. И выход из создавшегося положения я вижу в том, чтобы работать еще упорнее. С сегодняшнего дня я буду вставать по утрам на час раньше.

Он развернулся и медленной рысью двинулся к карьере. Там, до того как отправиться спать, он набрал два воза камней и перетащил их к мельнице.

Животные жались к Травке и молчали. С холма, где они лежали, открывался вид на всю окрестность. Они могли охватить взглядом почти всю ферму – длинное пастбище, спускавшееся к шоссе, луга, рошу, пруд с питьевой водой, распаханное поле, где уже зеленели упругие молодые колосья, красные крыши усадебных построек и дым, клубящийся над трубами. Был ясный весенний вечер. И трава, и зазеленевшие живые изгороди были словно позолочены лучами заходящего солнца. Никогда еще ферма не казалась им таким желанным местом, и они с удивлением вспоминали, что это их ферма, каждая пядь здесь принадлежит им. Травка глянула вниз, с холма, и глаза ее наполнились слезами. Если бы она могла выразить свои мысли, то она сказала бы, что вовсе не к этому стремились они, когда много лет назад посвятили себя борьбе против тирании людей. Эти сцены ужаса и бойни совсем не то, чего ждали они в ту ночь, когда Старый Майор впервые призвал их к Восстанию. И если воображение рисовало ей будущее, то этим будущим было общество животных, освободившихся от голода и кнута, общество, где все равны, где каждый работает по способностям, где сильные защищают слабых, как защитила она выводок утят своей ногой в ту ночь, когда произносил речь Старый Майор. Но вместо этого – она не могла понять, почему так случилось, – пришло время, когда никто не решается высказать свои мысли, когда всюду рыщут страшные рычащие псы и когда ты обязан смотреть, как твои товарищи признаются в ужасных преступлениях, а после этого их рвут на куски. Нет, у нее даже мысли не возникло о бунте или неповиновении. Она знала: несмотря ни на что, им все равно живется лучше, чем при Джонсе, и прежде всего надо не допустить возвращения людей. И что бы ни случилось, она сохранит преданность ферме, будет упорно работать, исполнять приказы, честно подчиняясь Наполеону. И все же не на это надеялась, не ради этого работала она и другие животные. Не затем они строили ветряную мельницу и стояли под пулями Джонса. Вот о чем думала Травка, хотя слов, чтобы выразить свои мысли, у нее не было.

В конце концов, считая, что это хоть как-то заменит недостающие слова, она принялась напевать «Скотов Англии». Животные, лежавшие вокруг нее, очень мелодично, тихо и печально пропели эту песню три раза подряд – так они еще никогда не пели.

Когда заканчивали ее в третий раз, перед ними вырос Крикун в сопровождении двух псов. По его виду можно было понять, что он собирается сообщить нечто очень важное.

– Специальным декретом Товарища Наполеона, – объявил он, – «Скоты Англии» упраздняются. С сегодняшнего дня петь ее запрещено.

Животные были ошеломлены.

– Но почему же? – закричала Мюриэль.

– Эта песня не нужна больше, товарищи, – разъяснил Крикун. – «Скоты Англии» – песня Восстания. Но Восстание уже победило. Сегодняшняя казнь предателей – последний штрих. Враги, как внешние, так и внутренние, разгромлены. И потом, в «Скотах Англии» мы выражали наши чаяния о совершенном обществе будущего. Но теперь это общество построено. Песня потеряла всякий смысл.

Хотя все были и без того запуганы, кое-кто из животных, возможно, и решился бы протестовать, но тут овцы начали свое привычное: «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо». Они беспрерывно блеяли несколько минут, и это положило конец всяким дискуссиям.

Итак, песня «Скоты Англии» больше никогда не исполнялась. Вместо нее поэт Меньшой сочинил другую, которая начиналась словами:

Мой Скотный Двор, мой Скотный Двор,
Вредить тебе – стыд и позор!

Эту песню стали исполнять по воскресным утрам после подъема флага. Но почему-то ни слова, ни мотив не пришлись так по сердцу животным, как «Скоты Англии».

Глава VIII

Через несколько дней, когда ужас, вызванный кровавой расправой, притупился, кое-кто из животных припомнил – или подумал, что припоминает, – что Шестая Заповедь гласила: «Животные не должны убивать себе подобных». И хотя никто не осмелился заявить об этом в присутствии свиней или собак, многим показалось, что свершившиеся убийства идут вразрез с этим заветом. Травка попросила Бенджамина прочесть ей Шестую Заповедь, а когда осел, как всегда, заявил, что не желает впутываться в такие дела, привела Мюриэль. И Мюриэль прочитала ей эту заповедь. Она гласила: «Животные не должны убивать себе подобных беспричинно». Каким-то образом последнее слово выпало из памяти животных. Но теперь все убедились, что заповедь отнюдь не нарушена: предательство вступивших в сговор со Снежком было веской причиной казни.

Весь этот год животные работали еще усерднее, чем раньше. Необходимо было восстановить к намеченному сроку ветряную мельницу, сделав ее стены в два раза толще, в то же время надо было управляться и с текущими работами на ферме, а это требовало колоссальных усилий. Иногда животным казалось, что они работают теперь больше, а кормят их хуже, чем во времена Джонса. Каждое воскресенье Крикун, поддерживая раздвоенным копытцем длинный лист бумаги, зачитывал им бесконечные цифры, из которых получалось, что производство всех видов продовольствия увеличилось на 200, 300 или 500 процентов – смотря по обстоятельствам. У животных не было оснований подвергать сомнению эти цифры, тем более что они уже смутно помнили, как обстояли дела до Восстания. И все равно случались дни, когда они предпочли бы, чтобы было поменьше цифр и побольше еды.

Все приказы отдавались теперь либо через Крикуна, либо через других свиней. Наполеона видели не чаще чем раз в две недели. А когда он появлялся, то кроме собак его сопровождал и черный петух, который шел впереди и исполнял роль трубача – издавал оглушительные «кукареку!» перед каждой речью Наполеона. Говорили, что и в господском доме Наполеон жил в отдельных покоях. Ел он теперь в одиночестве, а прислуживали ему две собаки. Причем всегда пользовался фарфоровым обеденным сервизом фирмы «Краун Дерби», который свиньи нашли в стеклянном буфете в гостиной. Было также объявлено, что отныне салют из ружья будут производить и в день рождения Наполеона, а не только в дни двух ранее установленных праздников.

Наполеона уже никогда не называли просто «Наполеоном». В официальном обиходе прибегали к такой формулировке: «наш Вождь, Товарищ Наполеон». Но свиньи изобретали такие титулы: «Отец всех животных», «Гроза людей», «Защитник овец», «Друг утят» и тому подобные. В своих речах Крикун любил ссылаться на мудрость Наполеона, на его доброе сердце, на то, как горячо любит Вождь всех животных, где бы они ни жили, и особенно тех несчастных, которые все еще пребывают в невежестве и рабстве на иных фермах. И при этих словах Крикун не скрывал слез, катящихся по его щекам. Стало привычным приписывать Наполеону все достижения и успехи, просто удачу. Нередко можно было услышать, как курица говорила подруге:

«Под руководством нашего Вождя, Товарища Наполеона, я снесла пять яиц за шесть дней» – или как две коровы, пьющие воду из пруда, признавались: «Какой вкусной стала вода благодаря руководству Товарища Наполеона!» Впрочем, общее настроение всех обитателей фермы выразил Меньшой в стихотворении «Товарищ Наполеон»:

О лучший друг всех сирот!
О тот, кто счастье дает!
Корыта нашего царь!
Пылает в душе законная
гордость, когда я зрю,
Как утреннюю зарю,
Твой лик, Твое слышу «Хрю»,
Товарищ Наполеон!
Не ты ли даватель всего?
О, как любит скотов естество
Обильный харч дважды в день,
на свежей соломе сон!
Большой или малый скот
Спокойно спит и жует,
Ведь нас к победе ведет
Товарищ Наполеон!
Когда б я имел сынка,
малюсенького сосунка,
Пусть будет всего лишь с бутылку,
всего лишь со скалку он,
Но в нем должна быть всегда
Вера в твой гений тверда,
И пусть пискнет впервые он – да! –
«Товарищ Наполеон!»[1]

Наполеон одобрил эти стихи и приказал написать их на стене большого амбара, напротив той, где были написаны Семь Заповедей. А Крикун тут же изобразил белой краской профиль Наполеона.

Тем временем, при посредничестве Уимпера, Наполеон вел сложные переговоры с Фредериком и Пилкингтоном. Штабель леса все еще не был продан. Из двух претендентов Фредерик проявил наибольшее желание купить лес, но никак не давал настоящую цену. Снова распространились слухи, что Фредерик и его люди готовятся напасть на Скотный Двор и разрушить ветряную мельницу, строительство которой возбуждало в нем жгучую зависть. Было известно, что Снежок по-прежнему скрывается на ферме Пинчфилд. И вдруг в середине лета новое тревожное признание – три курицы, раскаявшись, поведали, как под влиянием Снежка они вступили в сговор, чтобы убить Наполеона. Их казнили немедленно, и, чтобы обеспечить безопасность Наполеона, были приняты новые меры. Его постель по ночам охраняли теперь четыре собаки, по одной в каждом углу спальни, а юный поросенок по имени Моргун получил приказ пробовать пищу, которую готовят для Наполеона, чтобы того не отравили.

Примерно тогда же было объявлено, что Наполеон договорился продать штабель леса мистеру Пилкингтону. Наполеон собрался также заключить между Скотным Двором и Фоксвудом долгосрочное соглашение об обмене кое-какими товарами. Теперь отношения между Наполеоном и Пилкингтоном, хотя они и поддерживались только при посредничестве Уимпера, стали почти что дружественными. Скоты не доверяли Пилкингтону, поскольку он все-таки был человеком, но тем не менее предпочитали иметь дело с ним, а не с Фредериком, которого и боялись, и ненавидели. К концу

лета, когда близилось к завершению строительство ветряной мельницы, слухи о неизбежном вероломном нападении на ферму усилились. Рассказывали, что Фредерик планирует бросить на Скотный Двор двадцать человек, вооруженных ружьями, что он подкупил уже судей и полицию и они возражать не будут, если ему удастся захватить документы, устанавливающие право собственности на ферму. Более того, из Пинчфилда доходили страшные факты зверского обращения Фредерика с домашним скотом. Он до смерти запарол старую лошадь, впроголодь держит коров, швырнул в печь собаку, а по вечерам он развлекается тем, что заставляет драться друг с другом петухов, в шпоры которым укреплены осколки бритвенных лезвий. Кровь закипала от ярости в жилах свободного скота, когда они слышали, как издеваются над их товарищами, и порой они громко требовали позволить им, в свою очередь, напасть на ферму Пинчфилд, чтобы прогнать оттуда людей и освободить своих братьев. Но Крикун советовал избегать необдуманных действий и призывал положиться на дальновидную стратегию Товарища Наполеона.

И все же ненависть к Фредерику росла. Утром в одно из воскресений Наполеон сам появился в амбаре и разъяснил, что он вообще никогда не собирался продавать лес Фредерику. Он считал ниже своего достоинства, сказал Наполеон, иметь дело с подобными негодяями. Голубям, которых все еще посылали распространять идеи Восстания, запретили приземляться на территории Фоксвуда, а кроме того, им приказали снять прежний лозунг «Смерть людям!» и заменить его новым – «Смерть Фредерику!». В конце лета была разоблачена еще одна провокация Снежка. Поле пшеницы заросло сорняками, и стало известно, что в один из своих ночных визитов Снежок подмешал в семенное зерно семена сорняков. Гусь, оказавшийся участником заговора, во всем признался Крикуну и тут же покончил с собой, проглотив ягоды белладонны. Животным сообщили также, что Снежка никогда не награждали, как многие из них думали ранее, орденом «Герой Животных первой степени». Это не более чем легенда, которую сразу же после Битвы при Коровнике выдумал и распространил сам Снежок. На самом деле он не только не был награжден, но и подвергся осуждению за проявленную трусость. И снова животные выслушали все это с некоторым изумлением, но Крикуну удалось вскоре убедить всех, что их просто подводит память.

Осенью отчаянными, колоссальными усилиями – ведь одновременно приходилось убирать урожай – животные закончили сооружение ветряной мельницы. Машины еще не были установлены, и Уимпер вел переговоры об их закупке, но само здание было построено. В тисках бесконечных трудностей, несмотря на примитивные орудия труда и отсутствие опыта, на вечное невезение и происки Снежка, работу удалось завершить точно в срок! Измученные, но гордые собой животные ходили и ходили вокруг созданного ими чуда, и мельница казалась им даже красивее той, которую они построили в первый раз. Да и стены ее были теперь в два раза толще. Теперь их можно было разрушить только взрывом! И когда животные вспоминали, сколько им пришлось потрудиться, как много препятствий преодолеть, когда они представляли, как изменится их жизнь, оттого что завертятся крылья и заработает динамо-машина, они забывали про усталость и пускались вскачь вокруг ветряной мельницы, ликуя и крича от радости. Сам Наполеон, сопровождаемый собаками и петухом, пожаловал посмотреть на законченную работу. Он лично поздравил животных с этим достижением и объявил, что мельнице будет присвоено звание «Ветряная Мельница имени Наполеона».

Через два дня животных собрали на чрезвычайный митинг в амбаре. Изумлению их не было границ, когда Наполеон объявил, что продал штабель леса Фредерику. Завтра придут фургоны и начнут вывозить лес. Выходило, что вся показная дружба Наполеона с Пилкингтоном на самом деле была ширмой для тайного соглашения с

Фредериком.

Все отношения с Фоксвудом были разорваны. Пилкингтону послали оскорбительные письма. Голубям приказали не садиться на территорию Пинчфилда и вместо лозунга «Смерть Фредерику!» теперь следовало говорить «Смерть Пилкингтону!». В то же время Наполеон заверил животных, что все сообщения о неизбежном нападении на Скотный Двор не имеют под собой никаких серьезных оснований, а рассказы о том, что Фредерик жестоко обращается со своими животными, сильно преувеличены. Возможно, эти слухи распускаются Снежком и его агентами. Кстати выяснилось, что Снежок укрывается вовсе не в Пинчфилде, он вообще там никогда не бывал, а живет, и, как говорят, в роскоши, на ферме Фоксвуд и многие годы получает пособие от Пилкингтона.

Свиньи пришли в неописуемый восторг от хитрости Наполеона. Прикинувшись другом Пилкингтона, он вынудил Фредерика поднять цену на двенадцать фунтов. Но высшая мудрость Наполеона, заявил Крикун, заключается в том, что он не доверяет никому, даже Фредерику. Фредерик хотел расплатиться за лес чеком – так называется клочок бумаги, на котором написано обещание уплатить ту или иную сумму. Но Наполеон не поддался на уловку. Он потребовал уплатить подлинными пятифунтовыми купюрами, которые должны быть вручены до того, как вывезут лес. Фредерик уже все заплатил, и этой суммы как раз хватит на то, чтобы купить машины для ветряной мельницы.

Тем временем лес поспешно вывозили. Когда его полностью вывезли, всех снова собрали в амбаре, чтобы полюбоваться на полученные от Фредерика купюры. Блаженно улыбаясь, Наполеон возлежал на устланном соломой возвышении, а рядом на фарфоровом блюде из кухни господского дома были сложены деньги. Строем проходили мимо них животные, и каждый мог любоваться вдосталь. Боксер даже попытался понюхать купюры, отчего тонкие белые бумажки зашевелились и зашуршали.

Спустя три дня начался всеобщий переполох. Уимпер, совершенно белый, примчался на велосипеде, бросил его во дворе и кинулся в господский дом. В следующее мгновение из апартаментов Наполеона донесся оглушительный яростный рев. Кошмарная новость обожгла обитателей фермы. Купюры оказались поддельными! Фредерик получил лес даром!

Наполеон немедленно созвал всех животных и грозным голосом вынес смертный приговор Фредерику. Фредерик, сказал он, когда его поймают, будет сварен живьем. В то же время он предупредил, что после такого вероломства надо готовиться к самому худшему. Фредерик и его люди могут напасть, о чем все давно догадывались, в любую минуту. На подходах к усадьбе поставили часовых. Четырех голубей послали в Фоксвуд с примирительным письмом, надеясь таким образом восстановить добрые отношения с Пилкингтоном.

Нападение началось уже на следующее утро. Животные завтракали, когда примчались дозорные и сообщили: Фредерик и его люди прошли главные ворота с пятью поперечными перекладинами. Животные не колеблясь выступили им навстречу. Но на этот раз им не удалось так легко победить, как в Битве при Коровнике. Теперь на них наступало пятнадцать человек, вооруженных полдюжиной ружей. Как только животные приблизились на полсотню ярдов, люди открыли огонь. Животные не могли выдержать грохота залпов и жалящей дробы, и, несмотря на старания Наполеона и Боксера собрать их в кулак, они вскоре отступили.

Некоторые были ранены. Животные укрылись в постройках и осторожно выглядывали на улицу из щелей и дырок от сучков в досках. Все длинное пастбище с мельницей

очутилось в руках противника. На мгновение даже Наполеон, казалось, растерялся. Он молча ходил взад и вперед, его хвостик выпрямился, стал жестким и дергался из стороны в сторону. Время от времени он задумчиво смотрел в сторону Фоксвуда. Если Пилкингтон и его люди помогут, события еще можно повернуть вспять. Но тут вернулись четыре голубя, которых накануне отправили в Фоксвуд. Один из них принес клочок бумаги от Пилкингтона, на котором карандашом было написано: «Так тебе и надо».

Тем временем Фредерик и его люди столпились у мельницы. Животные, наблюдавшие за ними, вдруг вскрикнули от ужаса: двое людей притащили лом и кувалду. Они собрались снести мельницу.

– У них ничего не выйдет! – взвизгнул Наполеон. – Стены, которые мы построили, слишком толстые. Им и за неделю их не разрушить. Спокойно, товарищи!

Но Бенджамин внимательно следил за действиями людей. Те двое, с кувалдой и ломом, долбили дыру у основания мельницы. Медленно, чуть ли не посмеиваясь, он кивнул своей длинной мордой.

– Я так и думал, – сказал он. – Разве вы не понимаете, что они делают? Сейчас они заложат порох в эту дыру.

Оцепенев от испуга, животные ждали, что будет дальше. Теперь уже нельзя было выйти из укрытия – они увидели, как люди разбегаются в разные стороны. А потом прогремел взрыв. Голуби взмыли в небо, а все животные, кроме Наполеона, бросились на землю, прикрывая головы. А когда они снова поднялись наконец на ноги, то на том месте, где стояла мельница, увидели огромное облако черного дыма. Ветер медленно развеял его. Ветряной мельницы больше не было!

Когда животные увидели это, к ним возвратилась смелость. Страх и отчаяние, которые они испытывали минуту назад, потонули в ярости, вызванной подлыми действиями людей. Раздался мощный призыв к отмщению, и, не ожидая никаких приказов, они бросились вперед, на врага. Теперь они не обращали внимания на безжалостную дробь, градом сыпавшуюся на них. Это было беспощадное, жестокое сражение. Люди стреляли и стреляли, а когда животные приблизились вплотную, пустили в ход палки и тяжелые сапоги. Корова, три овцы и два гуся были убиты, а ранены были почти все. Даже у Наполеона, который руководил сражением из тыла, дробью оторвало кончик хвостика. Но и люди понесли потери. Троим из них Боксер проломил голову копытом, еще одному корова пропорол рогами живот, и кое-кому в ключья порвали штаны Джесси и Колокольчик. А когда девять собак из личной охраны Наполеона совершили по его распоряжению обходной маневр под прикрытием изгороди, зашли во фланг противника и бросились на людей с яростным лаем, тех охватила паника. Они поняли, что им грозит окружение. Фредерик закричал своим людям, чтобы они удирали, пока еще не поздно, и в следующее мгновение трусливый враг, спасая свою жизнь, бежал. Животные преследовали их до самого края поля и напоследок, когда люди перебирались через колючую изгородь, нанесли им еще несколько ударов рогами и копытами.

Животные победили, но были измучены и истекали кровью. Медленно они побрели назад, к усадебным постройкам. При виде лежащих в траве убитых товарищей многие заплакали. Молча постояли на том месте, где когда-то высилась мельница. Да, ее больше не существовало. Пропал их труд! Даже фундамент частично пострадал. И уже нельзя будет, как в прошлый раз, использовать для восстановления упавшие камни. На этот раз не осталось и камней – взрывом их разбросало в разные стороны на

сотни ярдов. Мельницы как будто вообще никогда не существовало.

Когда они подошли к ферме, к ним бросился Крикун, которого по непонятным причинам не было видно во время боя. Теперь он прыгал из стороны в сторону, помахивая хвостиком и сияя от восторга. И животные услышали, как со стороны сада торжественно бабахнуло ружье.

– Зачем эта стрельба? – удивился Боксер.

– Это салют в честь нашей победы! – провизжал Крикун.

– Какой победы? – пробормотал Боксер. Колени его кровоточили, он потерял подкову, у него треснуло копыто, и дюжина дробинок вонзилась в его заднюю ногу.

– Как это какой победы, товарищ? Разве мы не изгнали врагов с нашей земли – со священной земли Скотного Двора?

– Но они уничтожили мельницу! А ведь мы два года трудились, чтобы построить ее!

– Ну так что ж? Мы построим новую мельницу. Мы построим шесть ветряных мельниц, если надо. Неужели ты не понимаешь, товарищ, какого колоссального успеха мы добились? Ведь враг занимал ту самую землю, на которой мы сейчас стоим. А теперь, под водительством Товарища Наполеона, мы отвоевали каждую пядь этой земли!

– Значит, мы отвоевали то, что у нас было, – сказал Боксер.

– Это и есть наша победа, – ответил Крикун.

Животные приковыляли во двор. Дробины, застрявшие в ноге Боксера, причиняли жгучую боль. Он представил тяжелый труд по восстановлению ветряной мельницы с самого начала и мысленно уже примерялся к нему. И тут в первый раз в жизни Боксеру пришло в голову, что ему уже одиннадцать лет и, вероятно, сила мускулов уже не та, что была прежде.

Но когда животные увидели, что над усадьбой по-прежнему развевается зеленый флаг, снова услышали ружейные выстрелы – всего было сделано семь выстрелов – и речь Наполеона, который поблагодарил их за героизм, они уверились, что одержали великую победу. Животных, павших в битве, торжественно похоронили. Боксер и Травка тащили фуру, служившую катафалком, и сам Наполеон шел во главе траурной процессии. Целых два дня праздновали победу. Были песни, речи и опять салют, и каждому животному в качестве праздничного подарка выдали по яблоку, каждой птице – по две унции зерна и по три галеты каждой собаке. Было объявлено, что это сражение впредь будет именоваться Битвой при Ветряной Мельнице и что Наполеон учредил новую награду – «Орден Зеленого Знамени», которой и наградил сам себя. В этом всеобщем ликовании про фальшивые купюры как-то забыли.

Через несколько дней после праздника свиньи обнаружили ящик виски в подвале господского дома. Они как-то проглядели его, когда вселились туда. В эту ночь из господского дома неслось громкое пение, и, к удивлению животных, в него вплеталась мелодия «Скотов Англии». Примерно в половине десятого все отчетливо видели, как Наполеон в старом котелке мистера Джонса выскочил с черного хода, промчался вокруг двора и снова исчез в доме. Утром в господском доме царил глубокая тишина. Свиней совсем не было слышно. Лишь около девяти появился

Крикун. Он шел медленно, с потухшими глазами, и был чем-то так удручен, что его хвостик вяло повис сзади. У него был очень болезненный вид. Крикун созвал животных и сказал, что должен сообщить им страшную новость – Товарищ Наполеон умирает!

Послышались всхлипывания. У дверей господского дома постелили солому, и животные ходили на цыпочках. Со слезами на глазах многие вопрошали друг друга, что же они будут делать, если Вождь покинет их. Прошел слух, что Снежку удалось подсыпать яд в пищу Наполеона. В одиннадцать опять появился Крикун и сделал новое сообщение: «Уходя от нас, Товарищ Наполеон издал важный декрет: употребление спиртных напитков будет караться смертью».

Впрочем, к вечеру Наполеону стало немного лучше, а на следующее утро Крикун смог им сообщить, что Вождь поправляется. Во второй половине этого дня Наполеон вернулся к исполнению служебных обязанностей, а на другой день стало известно, что он дал задание Уимперу закупить в Уиллингдоне брошюры о пивоварении и ректификации. Еще через неделю Наполеон приказал распахать выгон за садом, который ранее собирались отдать под выпас животным, достигшим пенсионного возраста. Было сказано, что земля здесь истощена и надо пересеять траву. Но вскоре стало известно, что Наполеон распорядился засеять этот луг ячменем.

Примерно в это же время произошел странный случай, который почти никто не сумел понять. Однажды в полночь послышался адский грохот, все животные из стойл кинулись во двор. Стояла лунная ночь. У торцовой стены большого амбара, на которой были записаны Семь Заповедей, валялась лестница, треснувшая пополам. Тут же в неуклюжей позе лежал оглушенный Крикун, а рядом с ним валялись фонарь, кисточка и перевернутая банка с белой краской. Собаки тотчас окружили Крикуна плотным кольцом и, как только он смог подняться на ноги, отвели в господский дом. Никто из животных не мог понять, что все это значит, кроме старого Бенджамина, который со знающим видом кивал мордой и, казалось, все понимал, но по привычке ничего не говорил.

А через несколько дней Мюриэль, перечитывая для себя Семь Заповедей, заметила, что еще одну заповедь животные запомнили неверно. Они полагали, что в Пятой Заповеди говорится: «Животные не должны употреблять спиртные напитки», но, оказывается, они запомнили два слова. На самом деле заповедь гласила: «Животные не должны употреблять спиртные напитки сверх меры».

Глава IX

Разбитое копыто Боксера не заживало. Но он вышел на работы по восстановлению ветряной мельницы, которые начались сразу же после празднования победы. Боксер не подавал виду, что страдает от боли, и старался изо всех сил. Лишь по вечерам он признавался Травке, что копыто очень болит. Травка пыталась лечить припарками из лечебных трав, которые предварительно пережевывала. Она и Бенджамин уговаривали Боксера не перенапрягаться. «У лошадей не вечные легкие», – говорила она. Но Боксер ничего не хотел слушать. У меня осталась одна мечта, признавался он, увидеть, что мельница работает, увидеть до того, как уйду на пенсию.

В самом начале, когда вырабатывались законы Скотного Двора, пенсионный возраст для лошадей и свиней был установлен в двенадцать лет, для коров – в четырнадцать, для собак – в девять, для овец – семь, а для кур и гусей – пять. Определили и вполне приличные пенсии по возрасту. И хотя никто из животных еще не вышел на пенсию, тем не менее в последнее время этот вопрос обсуждался все чаще и чаще. Болтали, например, что, поскольку выгон за садом отвели под ячмень,

для выпаса престарелых отгородят часть большого пастбища. Поговаривали также, что пенсионный рацион лошади составит пять фунтов зерна в день, а зимой – пятнадцать фунтов сена. Кроме того, по праздникам будут давать морковку, а возможно, и яблоко. Боксеру должно было исполниться двенадцать лет в конце будущего лета.

Пока жизнь была нелегкой. Зима выдалась такой же суровой, как и в прошлые годы, а еды стало еще меньше. Снова всем, кроме свиней и собак, снизили нормы выдачи корма. Уравниловка, объяснял Крикун, противоречит принципам Анимализма. Он без труда доказал животным, что на самом деле они не испытывают недостатка в пище, что им это только кажется. Да, действительно, пришлось временно упорядочить нормы выдачи (Крикун никогда не говорил о «снижении» норм, а лишь об их «упорядочении»), но по сравнению с эпохой Джонса налицо колоссальное увеличение норм. В быстром темпе визгливым голосом он зачитал цифры, доказывающие, что на ферме стало больше овса, сена, репы, чем во времена Джонса, что рабочий день стал короче, а питьевая вода – вкуснее, возросла продолжительность жизни, упала детская смертность, стало больше соломы в стойлах и меньше блох. Животные верили каждому слову. По правде говоря, Джонс и все, что было связано с ним, забывались. Они видели, что жизнь нынче трудна и небогата, что нередко они страдают от голода и стужи и все время работают, когда не спят. Но, несомненно, в старые времена было еще хуже. Им хотелось верить в это. И потом, тогда они были рабами, а сейчас – свободны. Вот в чем разница, непременно подчеркивал Крикун.

А кроме того, ртов, которых надо было прокормить, теперь стало гораздо больше. Осенью сразу четыре свиноматки принесли тридцать одного поросенка. Все они были пегими, а поскольку Наполеон остался единственным хряком на ферме, нетрудно было догадаться, кто их отец. Было объявлено, что позднее, когда закупят бревна и кирпичи, в саду выстроят школу, а пока сам Наполеон учил поросят на кухне господского дома. Физическими упражнениями они занимались в саду, и им не рекомендовалось играть с другим молодняком. Примерно в это время постановили, что при встрече свиньи с другим животным это другое животное должно уступать ей дорогу, а кроме того, свиньи, независимо от рангов, получили привилегию украшать по воскресеньям свои хвостики зелеными ленточками.

Год выдался довольно удачным для фермы, но денег все равно не хватало. Надо было закупить кирпич, песок и известь для строительства школы, необходимо было копить деньги для приобретения машин для мельницы. А еще нужны были керосин для ламп и свечи для господского дома, сахар для Наполеона (он запретил его есть другим свиньям на том основании, что они ожиреют от сахара) и прочие вещи – вроде инструментов, гвоздей, веревок, угля, проводов, кровельного железа и галет для собак. Ради этого продали стог сена и часть урожая картофеля, а контракт на поставку яиц увеличили до шестисот штук в неделю, в результате чего курам едва удалось высидеть достаточное количество цыплят и не сократить потомство. Нормы выдачи корма, сниженные в декабре, снова снизили в феврале и запретили зажигать лампы в стойлах в целях экономии керосина. Но свиньям, похоже, жилось неплохо, и они прибавляли в весе. Как-то вечером, в конце февраля, из маленькой пивоварни за кухней, которой не пользовались уже при Джонсе, по двору поплыл теплый, сытый и аппетитный дух, какого животные и не нюхали. Кто-то сказал, что это варят ячмень. Голодные животные жадно вдыхали его и раздумывали, не им ли готовят теплую похлебку на ужин. Но никакой теплой похлебки не выдали, а в следующее воскресенье было объявлено, что весь ячмень отныне войдет в рацион свиней. Поле за садом уже было засеяно ячменем, а вскоре стало известно, что каждой свинье теперь выдается ежедневно по пинте пива, а Наполеону – полгаллона. Пиво ему

подавали в супнице фарфорового сервиза «Краун Дерби».

Трудности, которые приходилось преодолевать, отчасти уравнивались тем фактом, что животные теперь вели несомненно достойную жизнь. Стало больше песен, больше речей, шествий. Наполеон распорядился, чтобы раз в неделю на ферме устраивалась Стихийная Демонстрация для прославления борьбы и победы Скотного Двора. В назначенное время животные прерывали работу, строились и четкими рядами маршировали вокруг усадьбы, причем свиньи возглавляли шествие, за ними шли лошади, затем коровы, овцы и домашняя птица. Собаки двигались по бокам колонны, а впереди вышагивал черный петух Наполеона. Боксер и Травка всегда носили зеленое знамя с изображением рога и копыта и надписью: «Да здравствует Товарищ Наполеон!» После Демонстрации читали стихи, сложенные в честь Наполеона, слушали привычный доклад Крикуна, содержащий сведения о самых последних достижениях в увеличении продовольствия, а иногда стреляли из ружья. Стихийные Демонстрации больше всего пришлись по душе овцам, и если кто-нибудь говорил (когда свиней и собак не было рядом, кое-кто говорил), что все это пустая трата времени и что вдобавок приходится мерзнуть, подолгу стоять на холоде, то овцы обязательно принимались оглушительно блеять: «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо!» – и заставляли его замолчать. В целом, однако, животным эти демонстрации нравились. Они напоминали им, что, в конце концов, они сами себе хозяева и работают на себя. И это утешало. И песни, демонстрации, перечни цифр Крикуна, грохот выстрелов, кукареканье петуха и трепетание флага на ветру позволяли им хотя бы на время забыть, что у них пусто в животах.

В апреле Скотный Двор провозгласили республикой, и нужно было избрать президента. Был только один кандидат – Наполеон, и его избрали единогласно. В тот же день было объявлено, что найдены новые документы, раскрывающие дополнительные подробности связи Снежка с Джонсом. Теперь выяснилось, что Снежок не просто пытался с помощью хитрого трюка, как думали животные, помешать победе животных в Битве при Коровнике, но открыто сражался на стороне Джонса. Более того, именно он возглавил нападение людей на ферму и бросился в бой со словами «Да здравствуют люди!» А раны на его спине, которые все еще помнили некоторые, были на самом деле от зубов Наполеона.

В середине лета, после нескольких лет отсутствия, на ферме вновь объявился ворон Моисей. Он ничуть не изменился, по-прежнему отлынивал от работы и, как и раньше, рассказывал о Карамельной Горе. Моисей садился на какой-нибудь пенек и, помахивая крыльями, часами разглагольствовал перед всеми, кто хотел его слушать. «Там, над нами, товарищи, – начинал он торжественно, показывая на небо большим черным клювом, – там, над нами, с другой стороны вон той темной тучи, которую вы видите, там и расположена Карамельная Гора, та счастливая страна, где несчастные животные наконец отдохнут после всех своих трудов!» Он даже уверял, что бывал в той стране, взмыв однажды высоко в поднебесье, и видел вечнозеленые поля клевера и растущие прямо на живой изгороди кусочки сахара и льняной жмых. Многие верили Моисею. Здесь, на земле, рассуждали они, приходится все время голодать и трудиться, и разве не разумно и справедливо, что где-то существует иной, лучший мир? Совершенно непонятно было отношение к Моисею свиней. Все они с презрением говорили, что его рассказы о Карамельной Горе – вранье, но при этом Моисею разрешали по-прежнему оставаться на ферме, не работать и даже выдавали ему четверть пинты пива в день.

Когда копыто Боксера наконец зажило, он принялся работать с удвоенной силой. Да и все животные работали в тот год как каторжники. Ведь к привычной работе на ферме, восстановлению ветряной мельницы прибавилось строительство школы для юных

поросят, которую заложили в марте. Трудно на пустой желудок выдержать весь длинный рабочий день, но Боксер стойко переносил лишения. Ни по его высказываниям, ни по работе было не заметно, что силы у Боксера уже не те. Правда, внешне он изменился. Шкура его уже не блестела, как раньше, а могучие задние ноги, казалось, похудели. «На весенней травке Боксер поправится», – успокаивали друг друга животные. Однако весна пришла, а Боксеру так и не стало лучше. Порой казалось, что он удерживает огромный валун на склоне карьера только силой воли. В такие минуты губы его складывались так, будто он хочет сказать: «Я буду работать еще упорней», но голоса не было. И опять Травка и Бенджамин советовали ему позаботиться о здоровье, но он вновь пропускал их слова мимо ушей. Приближался его двенадцатый год рождения. Ему было безразлично, что будет потом, лишь бы до ухода на пенсию заготовить побольше камней.

Как-то поздним летним вечером ферму облетел слух, что с Боксером что-то случилось. В тот вечер он опять таскал камни к мельнице в одиночку. Слух подтвердился. Через несколько минут примчались голуби и сказали: «Боксер упал! Он лежит на боку и не может подняться!»

Едва ли не половина обитателей фермы бросилась на холм к мельнице. Там, между оглоблями телеги, лежал Боксер. Шея его вытянулась, и он не мог даже поднять голову. Глаза потускнели, бока лоснились от пота, а из угла рта тянулась тоненькая струйка крови. Травка бросилась на колени рядом с ним.

– Боксер! – закричала она. – Что с тобой?

– Это легкие, – очень тихо ответил Боксер. – Но это не имеет значения. Я думаю, вы сможете закончить восстановление мельницы и без меня. Камней уже хватит. Во всяком случае, мне оставалось работать всего месяц. И по правде говоря, я уже с нетерпением ждал ухода на пенсию. Быть может, Бенджамину тоже разрешат выйти на пенсию, и он ведь постарел, и мы опять будем вместе.

– Нужна срочная помощь! – крикнула Травка. – Кто-нибудь сбегайте к господскому дому, расскажите Крикуну, что случилось...

Все животные сразу помчались к господскому дому, чтобы все рассказать Крикуну. Остались только Травка и Бенджамин, который лег рядом с Боксером и, не говоря ни слова, принялся отгонять от него мух своим длинным хвостом. Минут через пятнадцать, озабоченный и полный участия, появился Крикун. Он передал, что товарищ Наполеон искренне сожалеет о несчастье, приключившемся с одним из самых преданных ферме тружеников, и уже начал переговоры о том, чтобы поместить Боксера в одну из лучших клиник Уиллингдона. Это заявление несколько смутило животных. Если не считать Молли и Снежка, никто из животных еще ни разу не покидал Скотного Двора, да и сама мысль, что их заболевший товарищ окажется в руках людей, им не понравилась. Однако Крикун легко убедил их, что ветеринарный врач в Уиллингдоне более квалифицированно поможет Боксеру, чем это смогут сделать они здесь, на ферме. И примерно через полчаса, когда Боксеру стало немного лучше, он с трудом поднялся на ноги и сумел доковылять до своего стойла, где Травка и Бенджамин уже приготовили ему хорошую постель из соломы.

Два дня Боксер не выходил из своего стойла. Свины прислали большую бутылку розового лекарства, которую они нашли в аптечке в ванной комнате, и Травка давала его Боксеру два раза в день после еды. По вечерам она лежала в его стойле и разговаривала с ним, а Бенджамин отгонял от него мух. Боксер убеждал их не волноваться из-за того, что случилось с ним. Если он поправится, то, может быть,

ему удастся пожить еще годика три, хорошо было бы провести эти спокойные дни, мирно пасясь в уголке большого пастбища. Теперь у него наконец-то будет время и поучиться, и заняться своим развитием. Он собирается, признавался Боксер, остаток своих дней посвятить изучению еще не выученных букв алфавита.

Но Бенджамин и Травка могли навещать Боксера лишь после рабочего дня, а фургон, в котором его должны были увезти, приехал днем. Животные как раз пропальвали репу под присмотром одной из свиней, когда с удивлением увидели, что Бенджамин несется вскачь от построек фермы и что-то кричит. Никогда раньше они не видели, чтобы Бенджамин волновался, не видели, чтобы он так бегал.

– Скорее! Скорее! – кричал Бенджамин. – Торопитесь на двор! Боксера увозят!

Не ожидая приказа свиньи, животные, побросав работу, кинулись к ферме. Во дворе действительно стоял большой крытый фургон, запряженный двумя лошадьми. На стенках фургона было что-то написано, а на месте кучера восседал плутоватого вида мужчина в низеньком котелке. Боксера в стойле не было.

Животные окружили фургон.

– До свидания, Боксер! – кричали они хором. – До свидания!

– Глупцы! Глупцы! – закричал Бенджамин. Он прыгал вокруг них и бил землю маленькими копытами. – Вы с ума спятили, разве вы не видите, что написано на фургоне?

Животные затихли, наступила мертвая тишина. Мюриэль принялась разбирать слова. Но Бенджамин оттолкнул ее и прочел:

– «Альфред Симмондс. Скотобойня и мыловарня, Уиллингдон. Торговля шкурами и костяной мукой. Поставка в собачьи питомники». Вы что, не понимаете, что это значит? Они увозят Боксера на живодерню!

Животные закричали от ужаса. В эту минуту кучер на козлах огрел лошадей кнутом, и фургон быстро покатился со двора. Все бросились следом и кричали что было мочи. Фургон набирал скорость. Травка вырвалась вперед и попыталась перейти в галоп, но это плохо ей удавалось.

– Боксер! – кричала она. – Боксер! Боксер! Боксер!

И в эту минуту, как будто услышав весь этот шум, Боксер высунул морду с белой полоской на носу в маленькое окошечко в задней стенке фургона.

– Боксер! – закричала Травка страшным голосом. – Боксер! Прыгай! Быстрее прыгай! Тебя везут на живодерню!

Все животные дружно подхватили: «Прыгай, прыгай, Боксер!» Но фургон уже набрал скорость и удалялся от них. Животные так и не узнали, понял Боксер или нет слова Травки. Но через минуту его морда исчезла из окошечка и из фургона донесся оглушительный грохот копыт. Он пытался выпрыгнуть. Было время, когда копыта Боксера могли разнести такой фургон в щепки. Но увы! У него уже не осталось сил, и через минуту дробь копыт затихла. В отчаянии животные принялись упрашивать двух лошадей, впряженных в фургон, остановиться. «Товарищи, товарищи! – зывали они. – Не везите своего брата на бойню!» Но тупые скоты не соображали, что

делают, они прижали уши и прибавили шаг. Морда Боксера в окошке больше не появлялась. Кто-то предложил обогнать фургон и запереть главные ворота, но было уже слишком поздно. В следующую минуту фургон миновал их и быстро покатился по шоссе. Боксера никто больше не видел никогда.

Через три дня было объявлено, что он скончался в Уиллингдонской клинике, хотя его и пытались спасти. Сообщить об этом вышел Крикун, который, по его словам, присутствовал при кончине Боксера.

– Это были волнительные минуты! – восклицал Крикун. – Ничего подобного я еще не переживал. – Он поднял копытце и стер набежавшую слезу. – Я был у его постели до самого конца. И, умирая, уже не в силах говорить, он прошептал мне на ухо, что жалеет только об одном – о том, что не дожид до завершения строительства ветряной мельницы. «Вперед, товарищи! Вперед во имя Восстания! Да здравствует Скотный Двор! Да здравствует Товарищ Наполеон! Наполеон всегда прав» – это были его самые последние слова, товарищи.

Тут поведение Крикуна внезапно изменилось. Он замолчал на мгновение, его маленькие глазки подозрительно забегали из стороны в сторону, а затем продолжил.

– Мне стало известно, – сказал он, – когда Боксера увозили, был пущен глупый и вредный слух. Кто-то, дескать, видел, что на фургоне, который увозил его, было написано: «Скотобойня», и поспешил прийти к заключению, что Боксера везут на живодерню. Даже не верится, – сказал Крикун, – что могут быть такие глупые животные. Неужели, – кричал он с негодованием, прыгая из стороны в сторону и дергая хвостиком, – неужели они так плохо знают своего любимого Вождя, Товарища Наполеона? Ведь все так легко объясняется. Да, фургон раньше принадлежал живодерне, а потом его приобрел ветеринарный врач, который не успел закрасить старую надпись. Вот так и возникло недоразумение.

Животные выслушали все это с огромным облегчением. А когда Крикун с новыми подробностями стал вспоминать последние минуты Боксера, ту заботу, которой окружили его в клинике, и дорогие лекарства, оплаченные без малейших колебаний Наполеоном, у животных и вовсе исчезли сомнения, а печаль, которую они испытывали из-за смерти своего товарища, несколько развеяла мысль о том, что, по крайней мере, он умер спокойно.

Сам Наполеон появился на собрании в следующее воскресенье и произнес в память Боксера короткую речь. Жаль, сказал он, что нельзя перевезти на ферму останки товарища, которого они оплакивают, и похоронить здесь, но он приказал сплести большой венок из лавра, растущего в саду, и возложить его на могилу Боксера. А через несколько дней свиньи собираются устроить памятный банкет в честь Боксера. В конце речи Наполеон напомнил о двух любимых лозунгах Боксера: «Я буду работать еще упорней» и «Товарищ Наполеон всегда прав». Было бы неплохо, сказал он, чтобы и остальные животные присоединились бы к этим лозунгам.

В тот день, когда должен был состояться банкет, из Уиллингдона прибыл фургон бакалейщика, который доставил на ферму большой деревянный ящик. В ту ночь из господского дома доносилось оглушительное пение, потом послышался шум дикой ссоры, и все закончилось в одиннадцать часов звоном разбитого стекла. На следующий день в господском доме до полудня не было никакого движения. И прошел слух, что каким-то образом свиньям удалось еще раздобыть деньги на ящик виски.

Глава X

Шли годы. Лето за летом, зима за зимой пролетали короткие жизни скотов. Пришло время, когда, кроме Травки, Бенджамина, ворона Моисея и нескольких свиней, никто уже не помнил прежней жизни до Восстания.

Умерла Мюриэль, умерли Колокольчик, Джесси и Цапка. Умер и Джонс – он скончался в приюте для алкоголиков где-то далеко от фермы. О Снежке давно забыли. Никто не помнил и Боксера, разве что те, кто знал его. Травка превратилась в старую, располневшую кобылу, у нее не гнулись суставы и слезились глаза. Еще два года назад она достигла пенсионного возраста, но, в общем-то, никто из обитателей Скотного Двора так и не вышел на пенсию. Давно уже никто не вспоминал о том, что для престарелых отведут часть пастбища. Наполеон превратился в матерого хряка и весил не менее трехсот фунтов. Крикун так растолстел, что у него заплыли глаза и он с трудом открывал их. Лишь старый Бенджамин почти не изменился, только шерсть на его морде чуть поседела, и после смерти Боксера он стал еще более замкнутым и неразговорчивым.

Теперь на ферме жило гораздо больше животных, хотя рост поголовья оказался не таким значительным, как предполагали ранее. Для новых поколений Восстание было седым преданием, которое передавалось из уст в уста, а животные, купленные на соседних фермах, вообще ничего не слышали о нем. Кроме Травки в усадьбе было теперь еще три лошади. Честные и прямые скоты, трудяги и отличные товарищи, но очень уж глуповатые. Они не сумели овладеть алфавитом дальше буквы Б, но верили всему, что им рассказывали о Восстании и принципах Анимализма, особенно если это делала Травка, к которой они относились почти как к матери. Верили, но вряд ли понимали, а если и понимали, то самую малость.

Усадьба теперь процветала, труд был лучше организован. У мистера Пилкингтона прикупили два поля. Ветряную мельницу наконец-то достроили, на ферме появились молотилка и сеноподъемник, не говоря уже о нескольких новых постройках. Уимпер приобрел себе высокий двухколесный экипаж. Не появилось электричества, но зато неплохие доходы приносил обмолот зерна, для которого и использовали мельницу. Животные упорно трудились над постройкой еще одного ветряка. Обещали, что, когда его построят, тогда уж обязательно поставят динамо-машину. Но никто уже не вспоминал рай земной, о котором когда-то мечтал Снежок – о стойлах с электрическим освещением, горячей и холодной водой, о трехдневной рабочей неделе и т. п. Наполеон отверг эти идеи, как противоречащие духу Анимализма. Истинное счастье в том, говорил он, чтобы упорно работать и скромно жить.

Ферма, казалось, богатела, но не богатели животные, за исключением, конечно, свиней и собак. Возможно, это происходило оттого, что свиней и собак стало так много. И дело не в том, что эти скоты не работали, они трудились по-своему. Крикун без устали объяснял и объяснял, что все время приходится выполнять огромную работу по управлению и контролю за работой на ферме. Значительная часть этой работы была такого рода, что остальные животные не могли постигнуть ее характера. Например, Крикун рассказал им, что свиньям ежедневно приходится затрачивать немало времени, чтобы готовить такие таинственные вещи, как «сводки», «отчеты», «памятные записки» и «протоколы». Все это представляло собой большие листы бумаги, которые нужно было исписать сверху донизу, а как только испишешь, сжечь в печке. И все это имеет важнейшее значение для процветания фермы, говорил Крикун. И все же ни свиньи, ни собаки не производили какого-либо продовольствия своим трудом, хотя их было очень много и на аппетит они никогда не жаловались.

Что же касается остальных скотов, жизнь, насколько они могли судить, оставалась

у них такой, как всегда. Как всегда, они были голодны, спали на соломе, пили из пруда, работали в поле, зимой мерзли, а летом мучились из-за мух. Иногда старейшие напрягали память и пытались вспомнить, лучше или хуже была жизнь на ферме сразу после Восстания и изгнания Джонса. Но они ничего не могли припомнить. Не было ничего такого, с чем они могли бы сравнивать теперешнюю жизнь, ничего, кроме листиков Крикуна со столбиками цифр, которые неизменно утверждали, что все на ферме улучшается и улучшается. Животные пришли к выводу, что вопрос этот неразрешим, во всяком случае, у них слишком мало времени, чтобы размышлять о подобных вещах. Лишь старый Бенджамин говорил, что помнит всю свою долгую жизнь до мельчайших подробностей, и он утверждал, что жизнь никогда не была, да и не может быть, ни много лучше, ни много хуже – голод, тяготы и разочарования, заявлял он, есть вечный закон бытия.

И все же скоты никогда не теряли надежды. Более того, они никогда не переставали – ни на минуту – гордиться, что им выпала честь принадлежать к Скотному Двору. Ведь эта ферма по-прежнему была единственной в стране – во всей Англии! – фермой, которой управляли сами животные. Все они, даже самые юные, даже те, кого привезли с соседних ферм, расположенных за десять или двадцать миль от усадьбы, никогда не переставали восхищаться этим. А когда они слышали стрельбу из ружья, когда они видели развевающийся на флагштоке зеленый флаг, сердца их наполнялись непреходящей гордостью, и они снова вспоминали старые героические времена, изгнание Джонса, Семь Заповедей, великие битвы, в которых потерпели поражение захватчики-люди. Они не забыли ни одну из старых надежд. По-прежнему верили в Республику Животных, предсказанную Старым Майором, когда нога человека не будет больше топтать зеленые поля Англии. Когда-нибудь это время придет, пусть не скоро, пусть никто из живущих теперь не доживет до него, но оно все равно наступит. Иногда то там, то здесь тайком напевали песню «Скоты Англии», во всяком случае, без сомнения, все животные фермы знали ее наизусть, хотя и не решались петь вслух. Да, их жизнь трудна, не все надежды сбылись, но они твердо знали – они не такие, как все. И если они голодали, то не из-за тирана-человека, а если надрывались на работе, то все-таки они работали на себя. Никто из них не ходил на двух ногах. Никто из скотов не называл другого скота «Хозяин». Все животные были равны.

Как-то в начале лета Крикун приказал овцам следовать за ним и повел их на противоположный край фермы, на пустырь, заросший молодыми березками. Овцы провели там весь день, ошипывая молодую листву. За ними наблюдал сам Крикун. Вечером он вернулся один, а овцам, поскольку погода позволяла, велено было остаться на пустыре на ночь. Они пробыли там целую неделю, и все это время никто из животных не видел их. Крикун проводил с ними большую часть дня. Он говорил, что разучивает с ними новую песню, а для этого необходимо уединение.

В чудный летний вечер, как раз после возвращения овец, когда животные, закончив работу, шли к усадебным постройкам, со двора донеслось испуганное лошадиное ржание. Обеспокоенные животные замерли на месте – ржала Травка. Она ржала не переставая, и все животные помчались во двор. Там они увидели то, что испугало Травку.

Это была свинья, идущая на задних ногах.

Да, это был Крикун. Чуть неуклюже, еще не привыкнув удерживать свою тушу в таком положении, но сохраняя идеальное равновесие, он прогуливался по двору. Минуту спустя из дверей господского дома вышла длинная шеренга свиней, и все они передвигались на задних ногах. У одних это получалось лучше, у других – хуже.

Две-три свиньи даже пошатывались немного и, похоже, не отказались бы от палки, чтобы опереться на нее. Но все они благополучно обошли двор. А потом под громкий лай псов и пронзительное кукареканье черного петуха вышел сам Наполеон – величественный, прямой, как колонна. В окружении неистово прыгающих псов он надменно смотрел из стороны в сторону.

В раздвоенном копытце Наполеон держал кнут.

Наступила мертвая тишина. Пораженные, испуганные животные жались друг к другу и наблюдали за длинной вереницей свиней, шествующих по двору. Казалось, мир перевернулся. Но вот первоначальный шок прошел. И, несмотря на страх перед собаками, на привычку, сложившуюся за долгие годы, никогда не жаловаться, никогда не протестовать, что бы ни случилось, животные, кажется, собирались на этот раз возмутиться. Но как раз в этот момент, будто по чьему-то сигналу, оглушительно грянули овцы.

– Четыре ноги – хорошо, две ноги – лучше! Четыре ноги – хорошо, две ноги – лучше! Четыре ноги – хорошо, две ноги – лучше!

Они блеяли пять минут без перерыва. А когда успокоились, шанс заявить протест был упущен, поскольку свиньи удалились обратно в господский дом.

Бенджамин почувствовал, как чей-то нос ткнулся в его плечо. Он оглянулся. Это была Травка. Ее старые глаза слезились больше, чем обычно. Ни слова не говоря, она ласково потянула его за гриву и повела к торцовой стене большого амбара, на которой были написаны Семь Заповедей. Минуту-другую они молча смотрели на белевшие на просмоленной стене буквы.

– Зрение изменяет мне, – сказала наконец Травка. – Я и в молодости не всегда могла прочесть, что здесь написано. Но сдается мне, что стена нынче выглядит иначе. Скажи-ка, Бенджамин, Семь Заповедей те же, что и прежде?

На этот раз Бенджамин отступил от своих принципов и прочел Травке все, что было на стене. Впрочем, там теперь ничего не было, кроме одной-единственной заповеди. Она гласила:

Все животные равны,

но некоторые животные равнее других.

После этого никого уже не удивляло, что на следующий день все свиньи, надзиравшие за работой на ферме, ходили с кнутами в копытцах. Никто не поразился, что свиньи приобрели себе радиоприемник, устанавливают телефон и подписались на газеты и журналы «Джон Буль», «Тит-Битс» и «Дейли Миррор». Никто не удивился, увидев, как Наполеон прогуливается по саду с трубкой во рту. О нет, все это не было удивительно, даже и то, что свиньи достали из платяного шкафа одежду мистера Джонса и надели ее. Сам Наполеон выходил теперь в черном фраке, охотничьих бриджах и кожаных крагах, а его любимая свиноматка надевала платье из муарового шелка, которое миссис Джонс носила обычно по воскресеньям.

Еще через неделю, вечером, к господскому дому подкатили несколько двухколесных экипажей. Группу соседних фермеров пригласили осмотреть хозяйство. Их провели по усадьбе, и они не скрывали восхищения от увиденного. Особенно им понравилась ветряная мельница. Животные в это время пололи репу. Они усердно работали и

старались не поднимать голову от земли – они уже не знали теперь, кого бояться больше – свиней или визитеров-людей.

В этот вечер из окон господского дома доносились взрывы смеха и громкое пение.

Этот смешанный хор голосов вызвал любопытство животных. Что там происходит, ведь животные и люди впервые встретились на равных? Не сговариваясь, животные потихоньку прокрались в господский сад.

У калитки было остановились, боясь идти дальше, но Травка, показывая пример, шагнула первой. На цыпочках они подошли к дому, и те, кому позволил рост, заглянули в окно столовой. Там за столом сидело полдюжины фермеров и столько же наиболее именитых свиней. Наполеон сидел на почетном месте во главе стола. Свиньи сидели на стульях совершенно непринужденно. Компания развлекалась игрой в карты, но на минуту прервалась, видимо для очередного тоста. Огромный кувшин ходил по кругу, и кружки наполняли пивом. Никто не заметил любопытных глаз животных, заглядывающих в окно.

Держа в руках полную кружку, встал мистер Пилкингтон с фермы Фоксвуд.

– Я хочу, – сказал он, – предложить тост и попросить всех собравшихся осушить кружки. Но сначала, – продолжил он, – я должен сказать несколько слов. Мне доставляет огромное удовольствие, – заявил он, – не сомневаюсь – и остальным тоже, что долгий период взаимного недоверия и непонимания закончился. Было время, – о нет, ни он, ни кто другой из присутствующих здесь не разделяли подобных настроений, – но было время, когда к уважаемым владельцам Скотного Двора их соседи-люди относились не то чтобы с враждебностью, но, пожалуй, с определенным опасением. К сожалению, случались порой инциденты, были распространены неверные представления. Полагали, что существование фермы, которой владеют и управляют свиньи, как-то ненормально и может оказать дестабилизирующее влияние на соседние хозяйства. Многие из нас, без должной проверки фактов, решили, что на такой ферме восторжествует дух вседозволенности и недисциплинированности. Фермеры опасались, что подобный дух может повлиять на животных и даже на работников их собственных хозяйств. Но теперь эти опасения рассеялись. Сегодня я и мои друзья побывали на Скотном Дворе, увидели все своими глазами, каждый дюйм фермы. И что же мы увидели? О нет, не только самые современные методы хозяйствования, но также дисциплину и порядок, которые могут служить примером для всех других фермеров. Думаю, не ошибусь, – подчеркнул он, – если скажу, что низшие животные Скотного Двора работают больше, а потребляют меньше еды, чем где бы то ни было в стране. По правде сказать, я и мои друзья увидели здесь много такого, что намерены немедленно завести на своих фермах.

Заканчивая свое выступление, – сказал он, – мне хотелось бы еще раз подчеркнуть: дружественные отношения, установившиеся между Скотным Двором и соседями, должны и далее развиваться и крепнуть. Между свиньями и людьми не было и не должно быть столкновений каких-либо интересов. У нас всегда одна и та же борьба, одни и те же трудности. И разве, к примеру, проблема рабочей силы не везде одинакова?

Тут стало ясно, что мистер Пилкингтон собирается потешить собравшуюся компанию какой-то заранее приготовленной остротой, но так развеселился, что несколько мгновений не мог выговорить ни слова. Задыхаясь от смеха, так что его многочисленные подбородки багровели один за другим, он все-таки выдал ее:

– Вам приходится вести борьбу с вашим рабочим скотом, а нам – с нашим рабочим

классом!

Эта *bon mot*[2] вызвала шумный восторг всех сидевших за столом. Мистер Пилкингтон еще раз поздравил свиней с достигнутыми успехами, которые он наблюдал на ферме, – минимальным рационом, максимальным рабочим днем и общим отсутствием поблажек животным.

– А теперь, – призвал он наконец, – я прошу всех присутствующих встать и проверить, не пусты ли у них кружки. Господа, – завершил свою речь мистер Пилкингтон, – господа, я предлагаю тост: за процветание Скотного Двора!

Все с энтузиазмом принялись хлопать в ладоши и топать ногами. Тост так понравился Наполеону, что он встал с места и обошел вокруг стола, чтобы чокнуться с мистером Пилкингтоном. Когда крики и овации стихли, Наполеон, продолжавший стоять, дал понять, что тоже хочет сказать несколько слов.

Речь Наполеона была краткой и четкой, как и все его выступления.

– Я тоже рад, – сказал он, – что период взаимного непонимания прошел. Долгое время ходили слухи, – я думаю, их распространяли злонамеренные враги, – что я и мои коллеги придерживаемся каких-то подрывных и даже революционных взглядов. Нам приписывали попытки поднять восстание животных на соседних фермах. В этих утверждениях нет ни грана правды! Наше единственное желание и теперь, и в прошлом – жить в мире и поддерживать нормальные деловые отношения со своими соседями. Эта ферма, которой я имею честь управлять, – добавил Наполеон, – представляет собой кооперативное предприятие. Документы, устанавливающие на нее право собственности, которые находятся у меня, принадлежат всем свиньям сообща.

Я не верю, – сказал он, – что старые предубеждения все еще живы, тем не менее недавно внесен ряд изменений в организацию жизни на ферме, и я надеюсь, эти изменения еще более укрепят доверие к нам. До настоящего времени у наших животных сохранялась довольно глупая привычка обращаться друг к другу «товарищ». Это должно быть запрещено. Кроме того, до настоящего времени бытовал очень странный обычай, происхождение которого непонятно, – маршировать по утрам каждое воскресенье перед черепом хряка, установленным в саду. И это будет запрещено, череп уже похоронили. Гости, возможно, обратили внимание на зеленый флаг, развевающийся на флагштоке. И если обратили, то, может быть, заметили, что на нем уже нет рога и копыта. Отныне это будет просто зеленый флаг.

И у меня, – сказал Наполеон, – лишь одно критическое замечание к прекрасной, полной добрососедского духа речи мистера Пилкингтона. На протяжении всей своей речи мистер Пилкингтон говорил о Скотном Дворе. Разумеется, мистер Пилкингтон не мог знать, – я говорю об этом впервые, – что название Скотного Двора отменено. Впредь ферма будет называться Господский Двор. Я полагаю, это и есть ее истинное, исконное название.

Господа, – закончил Наполеон, – я предлагаю тот же самый тост, но в несколько иной форме. Наполните кружки до краев. Вот мой тост, господа: за процветание Господского Двора!

И снова раздались шумные овации, а кружки были осушены до дна. Но животным, стоявшим в саду и наблюдавшим за этой сценой, показалось, что происходит нечто странное. Почему так изменились лица свиней? Травка переводила старые слезящиеся глаза с одного лица на другое. У одних было пять подбородков, у других – четыре,

у третьих – три. Но было неясно, что же все-таки расплывается и меняется. Когда овации стихли, компания опять взялась за карты, а животные молча пошли назад. Не прошли они и двадцати ярдов, как их остановил рев голосов из господского дома. Животные кинулись обратно и снова прильнули к окнам. Да, там разгоралась свара. Все кричали, колотили по столу, подозрительно поглядывали друг на друга и яростно отрицали взаимные обвинения. Оказалось, что ссора возникла из-за того, что Наполеон и мистер Пилкингтон одновременно пошли с туза пик. Стоял гневный рев в двенадцать глоток, голоса кричавших были одинаковые. Теперь было понятно, что произошло со свиньями. Стоящие в саду животные вновь и вновь переводили глаза со свиней на людей и с людей на свиней и снова со свиней на людей, но не могли сказать определенно, где – люди, а где – свиньи.

Примечания

1 Перевод А. Воронова.

2 Острота (франц.).